

#1 В ШВЕЦИИ

КАРЛ-ЙОХАНН
ВАЛЬГРЕН

ТЕНЬ МАЛЬЧИКА

ЭТА ЛОН ТРИЛЛЕРА,
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО И ЗАГАДОЧНОГО.

Карл-Йоганн Вальгрэн

Тень мальчика

Серия «Данни Катц», книга 1

pdf предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19164963

Карл-Йоганн Вальгрэн Тень мальчика: РИПОЛ классик; М; 2016

ISBN 978-5-386-08513-1

Аннотация

Эталон интеллектуального триллера от по-настоящему мощного шведского писателя, лауреата Августовской премии, Карла-Йоганна Вальгрена.

Теплым июньским вечером 1970 года отец направляется в метро с двумя сыновьями. Он собирается спуститься на станцию на лифте, но старший сын очень хочет сбежать по лестнице. Некая дама предлагает проводить мальчика. Отец соглашается, но, когда выходит на перрон, там совершенно пусто. Поезд метро только что покинул станцию...

2012 год, Стокгольм. Данни Катц, у которого с детства были проблемы с законом, давно покончил с преступным прошлым. Невольно он становится свидетелем и участником очень странных событий, которые приводят к убийству женщины и вынуждают его вновь скрываться от полиции. Данни понимает, что его подставили. И

теперь ему придется потрудиться, чтобы доказать свою невинность и разоблачить настоящего убийцу...

Содержание

Стокгольм, 1970	6
Часть первая	16
Стокгольм, 2012	16
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Карл-Йоганн Вальгрен

Тень мальчика

CARL-JOHAN VALLGREN
SKUGGPOJKEN

© Carl-Johan Vallgren, 2003

© Штерн С. В., перевод на русский язык, 2016

By agreement with Hedlund Literary Agency and
Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency, Sweden

© Издание на русском языке, перевод на русский
язык, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ
классик», 2016

* * *

Стокгольм, 1970

Из Стадсхагена добрались на сорок девятом автобусе. Младший спал в коляске. Начало июня, точнее, седьмое число. Этот день он запомнит на всю оставшуюся ему жизнь.

Старший шел рядом, держался за козырек коляски. Маленькая смуглая, липкая от сладостей ручонка. В автобусе ныл без остановки: пап, живот болит, пап, тошнит, пап, сейчас вырвет – но на свежем воздухе порозовел и оживился.

Рядом с остановкой хозяин магазинчика выложил на стенд свежие газеты. Чемпионат мира по футболу в Мексике. «Афтонбладет» – огромная, во всю первую страницу фотография Уве Грана с кислой физиономией. Должно быть, комментирует проигрыш Италии в групповых играх и обещает отыграться в матче с Израилем. А в «Экспрессене» вообще ни слова о футболе. От огорчения, должно быть. На первой странице – обсуждение предстоящего визита Улофа Пальме в США.

– Жарко, пап. Можно снять куртку?

– Конечно. Положи в коляску.

Наконец-то началось лето. В этом году чуть позднее обычного, но все же началось. День выдался на

редкость бестолковый. Сначала ездил на Лидингё, смотрел участок, купленный для них Густавом. К осени там должна стоять вилла. Потом в Стадсхаген, отвел Кристофера на детский праздник к приятелю, – так и не понял, что там за событие: день рождения или что-то еще. Оттуда с коляской на Фридхемсплан – проголодался. Иоанны с ним не было, пошла навещать приятельницу.

Выпил пива. Не так много, три кружки, но все же чувство времени подвело. Посмотрел на часы – и чуть не бегом пустился забирать Кристофера. Даже коляска подпрыгивала на швах тротуара. Ничего, успел вовремя.

Он отвернулся от стенда и посмотрел на свое отражение в намытом до зеркального блеска окне автобуса. Искаженная, как в кривом зеркале, физиономия качнулась и поплыла влево, почему-то по дуге – автобус отошел и освободил переход.

Кристофер запрыгал на одной ножке, стараясь попадать на белые полосы «зебры».

На входе в Кристинебергский парк стоял бомж и мочился на цветочную грядку, бросая на прохожих высокомерные взгляды. Он позавидовал – хорошо бы так... пиво уже давало о себе знать. Но до такого он не докатится – заботился о своем имидже. Никогда не пил так, чтобы по нему было заметно.

– Пап, купи мороженое! Жарко...

От этого голоска становилось тепло на сердце. Даже когда Кристофер капризничал.

– А конфет тебе мало? Целый пакет в руке. Вы же ели мороженое на празднике! Мама Петера сказала...

– Но я хочу еще! Пап, ну, пожалуйста... у меня кишки закипают.

– Послушай... только что ты жаловался, что болит живот. А теперь требуешь мороженое.

– Но живот же уже же не болит!

Он обожал этого мальчонку. Всего-то семь с половиной лет, как на свет появился, а теперь требует мороженого и отказывается брать отца за руку – он, видите ли, уже вырос из этого возраста. Тонкий детский голосок – «Я уже большой ходить за ручку». С характером. И самое трогательное – темнокожий... гены темнокожести разбежались, перепрыгнули через поколение и вдруг обнаружили у сына. Сам он совершенно белый.

Любовь любовью, но отступать нельзя. На сегодня уж точно хватит сладостей.

– Мне очень жаль, но...

– Ну, пап, ну, пожалуйста...

Он дернул Кристофера к себе – по улице Яльмара Сёдерберга промчался на большой скорости «амазон», чуть не в полуметре от коляски. Чертовы лиха-

чи... Мальчонка вполне мог выскочить на дорогу – в знак протеста, раз что-то вышло не по его.

Постоял, не отпуская руки, сделал несколько глубоких вдохов – надо успокоиться. Посмотрел направо, где на фоне неба красовался статный силуэт Транебергского моста. По мосту полз поезд метрополитена, похожий на гигантскую гусеницу на колесиках. Внезапно мост наклонился, даже изогнулся слегка, и сейчас, казалось, стряхнет надоедливую личинку. Но мозг тут же опроверг нелепое видение – нечего было пиво пить. Состав буднично подполз к станции в Альвике и остановился.

Успеем к следующему. Иоанна от подруги наверняка пошла домой – приготовить что-нибудь поесть. Как славно будет посидеть вместе за столом, всей семьей, а потом, когда уложат детей, рассматривать архитектурный проект нового дома. Картинки красивые... отец хочет купить его любовь.

«Вольво-амазон» исчез, и они перешли улицу. Малыш проснулся и мгновенно сел в коляске. Джоель. Полная противоположность брату. Белая, не просто белая, а белоснежная кожа, ни единой черты, свойственной мулатам. Конечно, он и маленького любил, но по-другому... не так безоглядно, не так мучительно. А может быть, Джоель просто не успел завоевать его любовь. Слишком мал. Всего три годика.

Дверь в вестибюль станции поехала в сторону. Он остановился у расписания. Каждые пять минут, и можно выбирать между двумя зелеными линиями – любой поезд довезет его до дома.

Малыш коротко хныкнул. Наверное, приснилось что-то. Он посмотрел на большие часы на стене: половина шестого. Не может быть! Он не мог ошибиться на целый час! Присмотрелся к наручным часам: половина пятого... но секундная стрелка стоит на месте. Его часы просто-напросто встали.

Из дверей «Пресс-бюро» вышла женщина с газетой под мышкой.

– Извините, – обратился он к ней. – Вы не знаете, который час? Неужели и в самом деле полшестого?

– Конечно. Полшестого. Даже чуть больше. – Она дружелюбно улыбнулась.

На голове платок, цветастое платье. Резиновые сапоги. Наверняка жена фермера. Именно такими он и запомнил их с детства, когда семья жила в усадьбе. Жены фермеров, все в цветастых платьях.

– Спасибо...

– Не за что. Хороших выходных!

Значит, он ошибся на целый час... И что это значит? А вот что: Иоанна давно дома, волнуется, куда они запропастились, и еда стынет... Огорчился, врезался коляской в стальную решетку турникета и плю-

нул с досады. Нашли место, где ставить турникет. Маленький заплакал – то ли от испуга, то ли тряхнуло сильно. Нет, вроде не особенно сильно.

– Так, все успокоились, – сказал он с отцовской интонацией. – Мы опаздываем, мама ждет. Надо поторопиться.

Он сунул билет контролеру и обогнул турникет через широкий проход для колясок. Плач перешел в рев. Он знал этот рев – в таком состоянии успокоить его могла только Иоанна.

– Ш-ш-ш... – Он без особой надежды покачал коляску. – Ш-ш-ш... ну не плачь, пожалуйста...

Не надо, не надо было пить это чертово пиво. По крайней мере, последнюю кружку. Все из-за пива. Не то чтобы он был пьян, но взаимоотношения с внешним миром потеряли гибкость и синхронность – перепутал время, ребенка чуть не сбила машина, вмазал коляску в стойку турникета.

Наверху послышался негромкий вой и лязг – очередной поезд затормозил на станции. Сзади напирали люди. Маленький, не прекращая кричать, сделал попытку вылезти из коляски. Он посадил его одной рукой, другой крепко держал Кристофера, а коляску толкал животом.

Лестница или лифт?

По лестнице быстрее, но пандус для колясок вы-

глядел довольно крутым. К тому же Джоель ни на секунду не прекращал орать. Лифт спокойнее. Он нажал кнопку вызова.

– Пап, а можно, я по лестнице?

И этот взгляд снизу вверх, противостоять которому невозможно. Карибский взгляд. Как у бабушки Кристофера, его матери, которую он, впрочем, почти не помнил. Или как у собаки с длинными ушами.

– Нет, нельзя.

– Ну, пожалуйста... вы на лифте, а я побегу по лестнице. Спорим, я раньше?

– Ты еще слишком мал.

Кристофер так и не выпускал из руки наполовину съеденный пакетик с конфетами, щека измазана чем-то красным. Шоколадная ручонка... вдвое меньше его собственной. Как он мог пить пиво кружку за кружкой с двумя детьми на руках? Идиот...

– Пожалуйста! Ну, пожалуйста! Я подожду вас там, наверху...

– Я сказал – нет.

На лицо мальчика внезапно упала тень. Он повернулся. Та самая крестьянка.

– Можешь пойти со мной по лестнице. Я буду держать тебя за руку, а папа приедет.

Она прошла через турникет сразу за ними, вежливо уступив место отцу с двумя капризничаящими

детьми. Кристофер уставился на нее во все глаза – не знал, что делать: то ли застесняться, то ли принять предложение.

– Можно я пойду с тетей? – решился он наконец.

– Ну, хорошо. Только держи тетю за руку, а то упадешь. Смотри, сколько народу. А на перроне сядь на лавку и подожди полминуты.

– Я посижу с ним, – любезно предложила женщина. – Мы васждеждемся, не волнуйтесь. Пошли, молодой человек...

Кристофер улыбнулся во весь рот, показав задорные прогалы на месте выпавших молочных зубов. Тетушка ласково, чуть не по-матерински смотрела на него и тоже улыбалась... эту улыбку он тоже не забудет. Впечаталась в память навсегда.

Посмотрел им вслед – маленькая ручка Кристофера в большой руке женщины. Она что-то ему сказала, он посмотрел на нее своими черными, как масляные, глазенками и весело кивнул. Как раз в эту секунду звякнул колокольчик – лифт возвестил о своем прибытии.

Он вкатил коляску и нажал кнопку... Мозг сделал несколько поляроидных снимков. Очень скоро они проявятся и останутся с ним навсегда – наборный потолок с тремя лампами, табличка – «750 килограммов или 10 человек», окурки на полу, в углу – недопитая

банка пива.

Лифт дернулся и остановился.

Открыл дверь, и его внезапно – и совершенно непонятно почему – прошиб холодный пот. Он совершенно протрезвел. Малыш в коляске замолчал, словно не хотел больше надоедать взмыленному папаше. Покатил коляску на перрон. С одной стороны металлическая сетка, отделяющая пассаж от лестницы, с другой – плексигласовая перегородка. Отсюда видны рельсы, но не видно лестничную площадку.

Идущий в противоположном направлении поезд всосал последних пассажиров. «Прошу занять свои места. Двери закрываются»... двери и в самом деле с сытым чмоканьем закрылись. Состав медленно пополз вдоль перрона.

Сейчас он увидит Кристофера на скамейке с этой приветливой тетушкой.

Как он любит Кристофера...

Он завернул за угол с коляской и огляделся. Лестница пуста. Ни одного человека. Отсюда видно дверь лифта внизу, ту самую дверь, в которую он только что втолкнул коляску, белые кафельные стены на площадке, свисающие с потолка гофрированные лампы. Граффити на пустой скамейке.

Джоель опять захныкал. Он освободил его от ремня, поставил на пол и посмотрел на перрон. Пустые

скамейки. Красные драконьи глаза уходящего поезда. Какой-то пенсионер внимательно читает объявления на стенде.

– Кристофер! – крикнул он.

Вернее, хотел крикнуть, но получилось почти шепотом, будто он внезапно потерял голос.

Его передернуло. Ледяной ком распер грудь и медленно, под собственной тяжестью, опустился в промежность.

– Кристофер! КРИСТОФЕ-Е-ЕР!

Эхо заметалось от одной кафельной стены к другой, и откуда-то издалека, словно из другого времени, из другого мира, из черной пасти туннеля до него донесся плач Джоеля.

Часть первая

Стокгольм, 2012

Все началось с мелодии. Для Катца все началось с мелодии. Шесть нот в каждой фразе, чередующиеся минор и мажор.

*Я поранил себя,
чтобы понять, чувствую ли я что-то...*

Издалека, глухо, но гулко, будто под водой.

*И сосредоточился на боли,
на единственной реальности – боли...*

И вдруг он обнаружил, что рядом на корточках сидит совершенно неизвестная ему женщина с ложкой в руке. Она-то, скорее всего, музыку не слышит, а может, и слышит, но ей наплевать. Мозг сортирует внешний мир и отбрасывает все ненужное.

Она протянула ему прозрачную пластиковую упаковку: десять шприцев по пять кубиков. Стандартных, с оранжевой канюлей. У нее-то своя техника. Тубер-

кулиновые иглы. Волосяной толщины, можно всадить в самую маленькую вену – на ноге или на кисти.

Он покосился на нее – блузка с длинными рукавами. Та же униформа, что и у него, – длинные рукава с манжетами, чтобы скрыть следы от уколов.

*Игла ужалила кожу,
знакомый укол...
попробуй убить память,
но я помню все.*

А вон там, у опоры моста, стоят его родители, Анн и Беньямин, рука об руку, поглощенные своей любовью – любовью, не оставлявшей места ни для кого, в том числе и для сына... Он ненавидел их за это, свою мать из Норрланда и еврейского отца. Ненавидел, хотя никогда не мог и стыдился в этом признаться... И они исчезли, еще бы им не исчезнуть, они давно мертвы. Даже не исчезли – не растворились в воздухе, а ушли, скрылись за бетонной опорой, изгвазданной сверху донизу граффити...

Данни огляделся. Неужели он опять там, откуда вышел... На улице, на грязном матрасе рядом с вентиляционной решеткой, под опорой моста в северо-западном Стокгольме...

А вот это странно: его участок отгорожен... или как можно назвать камни, кое-как выложенные по пери-

метру матраса? Иллюзия стен в спальней? Раскопки древних поселений? А эти сапоги на куске брезента – чьи это сапоги? Его собственные?

Он посмотрел на воду. На другом берегу залива – пляж и большая лодочная база, торчат мачты яхт. Транебергский мост, когда-то считавшийся самым длинным бетонным мостом в мире, нависает серой громадой. Построен в эпоху несокрушимой веры в светлое будущее, а со временем стал притоном для бомжей и наркоманов.

На опорах моста тоже граффити – огромные, затейливо изукрашенные. Повсюду валяются банки из-под аэрозольных красок, а чуть подальше – бесчисленные ватные тампоны, в майском тепле их вполне можно принять за большую грядку маргариток.

Катц помнил наркоманов у Коттбуссер Тор в Берлине пятнадцать лет назад, беззубых *Kottijunkies*, как их тогда называли, – они, сидя на корточках, кипятили эти грязные тампоны в надежде выдоить из них остатки желтого героина, разведенного в аскорбиновой кислоте. Воду тащили откуда угодно – из луж, из общественных сортиров... и он сам был тогда немногим лучше... Надо признаться – он был немногим лучше. Но ему удалось выбраться. Потрясающее везение... Вмешательство высших сил. Зачем он их опять испытывает, эти высшие силы?

*И ты можешь получить
всю мою империю грязи...*

Мелодия продолжалась. Как-то механически, изда- лека, будто на шарманке. *Империю грязи*, он хотел от нее избавиться, и ведь думал, что уже избавился.

– Смола забивает иглу, – пожаловалась женщина. – Дерьмо, а не героин.

Она сама не своя. И он тоже... Это невыноси- мое, сосущее желание наркотического кайфа, жела- ние опустить занавес, отгородиться от мира, эта тос- ка по великой пустоте, по флуктуации времени, по те- лесному воскресению из мертвых... Женщина грязно ругается, колдует что-то над своими примочками. Где- то он ее встречал. Откуда-то он ее знает, но не пом- нит откуда.

На земле расстелена газета, на ней суповая ложка с гнутой ручкой – чтобы, не дай бог, не рассыпать до- зу. Он заметил ужас в ее глазах и предложил нюхнуть кокаин, чтобы успокоиться.

– Да пошел ты... не мешай.

– Забудь...

Ему-то что за дело? Никакого дела ему до нее нет. Он занялся работой: вытащил из кармана бутылочку с водой, налил в обрезанную банку из-под кока-колы,

где уже ждал героин. Поставил на огонь, подождал, пока закипит. Оторвал кусок ваты, скрутил шарик – вполне надежный фильтр – и набрал содержимое в шприц. Удивительно – после стольких лет рука так же тверда. Это как плавать или ездить на велосипеде. раз научившись, не разучишься никогда.

Закатал рукав, стянул руку выше локтя жгутом из старых колготок. Поднял шприц иглой кверху и осторожно выдавил последние пузырьки воздуха.

Десять лет прошло, а навыки остались. Он мог держать шприц и в правой, и в левой руке – безразлично, когда-то специально тренировался. Тогда это было очень важно. Он тогда не слезал с иглы, и надо было уметь быстро, пока не начался колотун абстиненции, сменить руку, если на левой не отвечали вены.

Между опорами моста в чистой голубизне весеннего неба застряло пухлое дымчато-белое облачко... По мосту, приближаясь к станции, замедлял бег серебристо-синий поезд метро.

Майское тепло пришло резко и неожиданно – совсем недавно, в конце апреля, шел снег.

Тогда... тогда, давно, он и жил здесь, под мостом. А сейчас? Все повторяется?

Нет... его офис в нескольких сотнях метров, в Тра-неберге, он же совсем недавно сидел там, согнувшись над компьютером... что происходит? Может, перепу-

тал хронологию, поместил начало в конец, или наоборот?

Кто я такой? Ну, нет, я твердо знаю, кто я такой: Данни Катц, сорока четырех лет от роду, единственный ребенок рано погибших родителей. Бывший переводчик в Министерстве иностранных дел. Гражданский переводчик и программист в Министерстве обороны. Бывший бомж, бывший наркоман. Может, бывших и не бывает, но он один из немногих, кому удалось встать на ноги. Частный предприниматель – ничего примечательного. Небольшая переводческая фирма, заказы от частных предприятий, чаще военных. Денег фирма приносит не так уж много, но достаточно, чтобы платить за двухкомнатную квартиру в том же здании и жить тихой, непритязательной жизнью. Без загулов. Потому что любой загул приведет его сюда. Под мост.

У опоры, там, где он только что видел родителей, стоит человек. Совершенно голый. Что-то с глазами... странное ощущение – оказывается, он умеет произвольно увеличивать и уменьшать изображение. Абсолютно голый мужчина с окровавленными ногами. Что это? Видение? Знак... и как его толковать? Он зажмурился и вновь открыл глаза. Никого нет. Значит, галики.

Он даже махнул рукой, как отмахиваются от му-

хи, и сосредоточил внимание на собственном предплечье. Слегка похлопал пальцами по локтевой ямке, чтобы оживить кровоток. Двадцать градусов наклон, игла смотрит вверх, по направлению к сердцу. Всегда к сердцу. Угол должен быть достаточно острым, иначе проткнешь вену.

И в глубине души он так и не мог понять: зачем? Десять лет он свободен от наркоты. Десять лет ежедневной борьбы, собраний АН, Анонимных наркоманов, короткие периоды на метадоне, программа реабилитации в Уттерйерне, оплаченная его коллегой из Министерстве обороны, Рикардом Юлином. Рикард потратил немало сил и денег, подчас ставил на карту свой престиж, чтобы вытащить его из пропасти, вернуть в систему, найти работу... подстилал солому, где только мог, нашел работодателей... и все псу под хвост. Все псу под хвост...

Не может этого быть. Что за работу он делал в последнее время? Какая-то IT-фирма заказала данные о белорусских телефонных сетях. Перевел пару годовых отчетов, несколько статей из официальных деловых газет в Минске.

Он осторожно ввел иглу, угадывая смутную голубизну вены под кожей, и осторожно потянул поршень на себя.

Должна появиться кровь.

Ему вовсе не хотелось всадить дозу в мягкие ткани – во-первых, это довольно болезненно, а во вторых, пройдет вечность, прежде чем героин начнет действовать.

Вот так!

Попал с первого раза. В шприце под поршнем расплылось темно-красное облачко. Он зубами развязал узел на стягивающих плечо колготках. Кайф пришел немедленно. Все мышцы расслабились, обволокли скелет, как перина, веки сразу отяжелели, и он закрыл глаза. Божественное, неопишуемое ощущение – только сейчас он осознал, насколько ему не хватало его все эти годы. Он резко выдернул иглу, капля крови попала на грудь сорочки, но это его уже не волновало. Вытащил из кармана платок и прижал место инъекции.

Теперь на месте окровавленного человека появился другой – в черном костюме и широкополой шляпе. Данни зажмурился и снова открыл глаза. Человек исчез. Даже гадать нечего, кто это, все равно его не было. Почему появляются и исчезают люди?

Над головой опять прогромыхал поезд метро.

Он посмотрел на женщину. Та закончила возню, набрала шприц и выгнала воздух. Черные, очень черные волосы, и лицо немного восточное. А глаза не черные, нет... бутылочно-зеленые. Красивый рот. И

очень белая кожа. Как у Белоснежки.

– Я тебя знаю, – сказал он. – Где мы встречались?

– А я тебя не знаю. Это только ты так думаешь, что меня знаешь...

Даже попытки не сделала вспомнить. И что это вообще значит – только ты думаешь... а кто так не думает?

Но ей сейчас не до него. Она спустила штаны, приподняла винно-красные трусики, поискала вену в паху, не нашла, подняла левую руку к шее и начала ощупывать ее. Ногти почти все сломаны. Или обгрызены. Не надо бы в шею, говорят, опасно... впрочем, такой тонкой иглой большого вреда не сделаешь. Но и эту попытку она оставила.

Наконец, нашла вену в локтевой ямке и ввела наркотик, мрачно и сосредоточенно. И немедленно начала крохоборничать: подтянула немного поршень и ввела опять – не упустить ни микрограмма.

– Значит, мы все же встречались... – пробормотал Данни. – Здесь, что ли? – Он показал на матрас.

– Я мимо проходила... но ты же здесь живешь?

– Где? Здесь, под мостом?

– Нет, под кустом... Какого черта? У тебя дела плохи, парень. Кто-то хочет тебя посадить.

Он кивнул. Согласился. Неужели уже начал приспосабливаться к новой действительности? Кто-то хочет

меня посадить... значит, есть за что.

– А ты-то кто?

– Я? Конь в пальто...

Зрачки сузились так, что почти не видны. Она прислонилась к нему и закрыла глаза. Яркая полоска трусов из-под полуспущенных брюк. И признаков жизни не подает. Передозировка? Надо бы набрать сто двенадцать... пусть приедут и впрыснут нарканти.

И тут он увидел шрамы. Ожерелье следов от глубоких укусов вокруг шеи. Такие же укусы, как у Эвы Дальман, его первой подружки, которую он якобы ударил по голове и, пока она была без сознания, рвал ей зубами горло. Его за это осудили. Тогда ему было шестнадцать... Послали в закрытую школу для малолетних преступников, и там вся его жизнь внезапно изменилась. Он принял решение – покончить с прошлым, с наркотой и уголовщиной. Осудить-то осудили, но как раз в том, за что его осудили, он был невиновен! Он просто был не в состоянии сделать что-то подобное, какие бы технические доказательства они ни приводили...

*Мой лживый трон,
мою корону из дерьма,
полную обрывков мыслей,
которые я не могу соединить.*

Откуда эта чертова музыка? Он завертел головой, но так ничего и не обнаружил.

И эта женщина, уснувшая у него на коленях... кто она? Он отвел упавшие ей на лицо черные волосы, осторожно переложил женщину на матрас и встал.

Теперь в каждой фразе по пять нот, и по-прежнему ускользающий лад – не минор, не мажор. Только мелодия, никаких слов, это память подбросила ему текст. Он узнал эту мелодию. «Рана». Группа *Nine Inch Nails*.

Звуки все усиливались, они словно поднимались из глубины сознания, заглушали и затеняли все – опоры моста, женщину, грязный матрас, шприцы, наркоту... эта мелодия была на его мобильнике, вспомнил он и порадовался, что вспомнил, – он быстро выходил из полубессознательного состояния. Это сигнал на его мобильнике, но только мелодия, без отравленного хинной горечью голоса Трента Резнора. И мелодия продолжалась, пока он не открыл глаза и не нащупал на полу рядом с кроватью мобильник. Как он оказался здесь, в своей квартире? Он не помнил. Не помнил, выходил ли он вообще. Скорее всего, это был сон.

Данни нажал зеленую кнопку. Смотрел на процеженный сквозь опущенные жалюзи свет майского дня и слушал голос.

Голос... голос женщины под мостом, голос Эвы Дальман почти тридцать лет назад, и все же другой. Как будто кто-то аннулировал понятие времени.

* * *

Ангела Клингберг была ошеломляюще красива. Они назначили встречу в «Риторно», старом кафе на Уденгатан. Настолько красива, что красота наверняка доставляет ей массу неприятностей, решил Данни Катц, садясь за угловой столик. Конечно же элегантно одета. Ничего удивительного – достаточно вспомнить, кто ее муж. Сумочка от *Hermès* небрежно поставлена на пол, дорогие перчатки на столике, тонкий свитерок из ангорской шерсти, очень скромный, уверенный макияж и такой же скромный бриллиантовый браслет на левом запястье. Лет тридцать пять, блондинка, гибкая фигура. От нее исходила странная аура – смесь напряженного внимания и грусти. Он почувствовал укол сожаления и зависти – она замужем за другим... Данни сам себе удивился. Надо же... Зависть к обладателю такой женщины была не то чтобы сильной, но искренней.

До утреннего телефонного разговора он понятия не имел о ее существовании. Но даже сейчас ему трудно было представить, что она замужем за Джоелем

Клингбергом, а еще трудней – вообразить его жено-
тым.

Катц встал, неторопливо снял пиджак, повесил на спинку стула и опять сел. Зачем он вообще согласился на эту встречу? Любопытство, никаких других причин. Двадцать пять лет назад, когда ему удалось покончить со своим прошлым отпетого малолетнего преступника, они с Джоелем Клингбергом вместе учились в школе военных переводчиков. Даже жили вместе – сначала в военном лагере в Карлсборге, а потом – два невероятно интенсивных семестра в Упсале, изучали русский язык. После этого он не встречался с Клингбергом, хотя читал о нем в светской хронике, видел фотографии с каких-то великосветских фуршетов и всегда удивлялся, насколько мрачный вид Джоеля не соответствовал ожиданиям папарацци. Потом Клингберг, вместе с какими-то приятелями по интернату в Сигтуне, открыл риелтерскую фирму на Ривьере. Фирма просуществовала недолго – видимо, Джоель просто решил набраться делового опыта. Потом изучал юстицию, вслед за этим – год в Лондонской школе экономики. В конце концов он начал работать на семейном предприятии «Клингберг Алюминимум АБ» – и исчез, растворился в тщательно поддерживаемой анонимности делового мира.

– Спасибо, что нашли время. – Она улыбнулась.

Смущенно, как ему показалось.

– Ну что вы... где вы нашли, кстати, мой номер?

– У Джоеля в компьютере. В списке контактов.

Это уж и вовсе странно. Катцу даже представить было трудно, что Джоелю когда-либо придет в голову ему позвонить.

– Хотите что-нибудь поесть? Выпить?

– Спасибо... достаточно, если вы объясните, что мы с вами здесь делаем.

И она объяснила.

Три недели назад Джоель Клигберг пропал. Полиция считает, что по собственной воле. Никаких причин объявлять его в розыск и тем более подозревать преступление.

Он вышел из их квартиры на Эстермальме утром в воскресенье. Отправился по каким-то делам и не вернулся. Она звонит ему ежедневно, но каждый раз натывается на автоответчик. Но... есть кое-что, что можно назвать прощальным письмом.

Она нагнулась и вынула из сумочки лист с распечаткой. Е-мейл, посланный с мобильного Джоеля. Катц быстро просмотрел текст: несколько строк. Уезжаю на неопределенное время, хочу побыть наедине с самим собой и привести в порядок мысли. Извини, не хватило решимости сказать лично, прошу не бес-

покоиться и не искать.

– Я получила это в тот же день, через четыре часа... Но это совершенно на него не похоже! Не в его духе. Даже если возникли какие-то трудности, он не стал бы бежать от проблем...

– А вы как считаете? Что могло произойти?

– Честно говоря, не знаю.

Она сложила бумагу и сунула в сумку. Катц вспомнил, что в школе переводчиков у Джоеля была подруга, его ровесница... значит, постарше этой. Его самого тогда очень раздражали ее псевдоаристократические фасоны, но имя стерлось из памяти. Он даже не помнил, как она выглядела.

– Полиция считает, что Джоель исчез потому, что мы поссорились утром. По поводу детей... вернее, их отсутствия. Джоель хочет подождать. А мой биологический будильник уже не тикает, а верещит, как... как счетчик Гейгера... – Она бледно улыбнулась. – Мужчина в его возрасте, десять лет женат – и по-прежнему хочет «подождать»! Вы же наверняка знаете его прошлое, знаете, что случилось с его братом. Я сказала, что все его страхи именно оттуда: он боится, что опять может случиться нечто подобное. И мы поссорились.

Его брат... да, его брат. Он следил, как Ангела Клингберг нервно переводит взгляд с нетронутой кофейной чашки на забытую кем-то газету с результа-

тами бегов, теревит перчатки – кстати, того же цвета, что и ногти на ее красивых руках. Исчезнувший брат, как же... Джоель, наверное, так и не смог забыть, трагическая и нелепая утрата давила на него, как двухпудовые вериги.

– Я прекрасно понимаю, как это звучит... обиженный муж, сварливая жена... сбежал, чтобы хоть немного побыть в покое. Но я уже говорила – на него это не похоже. К тому же мы быстро помирились. Он сказал, что ему надо кое-что сделать, вернется к ланчу. Даже столик заказали в ресторане. И знаете, похоже, после этого его никто не видел. И все, кроме меня, уверены, что он исчез по собственной воле. Полиция утверждает, что после ухода он пару часов колесил по Стокгольму в своей машине, якобы хотел развееваться...

Итак, Клингберг вышел из дому и взял машину. Откуда это известно? Проверили данные *GPS*, объяснила она. Он выехал из их дома на Шеппаргатан, покрутился в центре, судя по всему, без определенной цели. Потом остановился заправиться на Торильдсплане, дальше через Стадсхаген к станции метро в Кристинеберге, а оттуда в Альвик, в Транебергский парк, где остановился около муниципальных теннисных кортов.

– Вы же живете там рядом, я посмотрела по «Эни-

ро». Странно, правда?

Почему-то Катцу стало неприятно, что Джоель припарковал машину именно там, напротив его окон. Если бы он в то воскресенье выглянул в окно, мог бы его увидеть.

– А потом?

– Потом поехал в промышленный район – знаете, в Ульфсунде, у озера, а потом возвратился в город и отправил это... – Она покосилась на сумку. – Письмо.

Оставил машину в подземном гараже у Центрального вокзала. Дальше след теряется. Сел на поезд? Очень может быть – на его имя был заказан билет в Копенгаген, но оказалось, в железнодорожных компьютерах программа составлена так, что известно, кем и когда куплен билет, и невозможно установить, воспользовался человек купленным билетом или нет.

Она замолчала.

Катц не мог оторвать взгляд от ее лица. Тревога, кое-как укрощенная принятой в их кругах сдержанностью, очень ей шла. Она была из тех женщин, которые его волновали, его тип... куда больше его тип, чем сам Джоель Клигберг.

– И почему вы обратились ко мне?

– Я прекрасно понимаю – вы удивлены. Но Джоель сам бы этого захотел.

– Почему вы так считаете?

Оказывается, Ангела Клигберг впервые услышала о нем несколько месяцев назад. Джоель за ужином ни с того ни с сего назвал фамилию. Данни Катц, сказал он, старый друг армейских времен.

– Мало того... сказал, что вы единственный человек, кому он когда-либо верил.

– Так и сказал? – удивился Катц.

– Да... так и сказал. *Единственный человек в моей жизни, кому я верил безоговорочно.* Я вспомнила этот разговор, когда он исчез.

С чего бы это? Они встречались на военной службе, это правда. Люди из совершенно разных миров: Катц из типичной пригородной банды, Клигберг – из типичной богатой, даже очень богатой семьи. Так называемая элита. В пятницу вечером, после изматывающей зубрежки слов и выражений, за ним приезжала машина, и он возвращался в свою среду, на виллу в Юрхольмене за высоким забором.

– Как-то раз я встал на его сторону в потасовке... может быть, он именно это имел в виду?

Она слегка улыбнулась.

– Про драки разговора не было. Думаю, речь шла о другом. Она потянулась к соседнему стулу – оказывается, там лежал небольшой пакет.

– Незадолго до исчезновения ему пришло вот это. Я случайно обнаружила пару дней назад в его гарде-

робе. В самом низу, за коробками с обувью.

Обычный посылочный конверт, мягкий, из толстой, подбитой поролоном бумаги. Она расстелила на столе квадратный кусок холста, что-то вроде полотенца или большой салфетки, примерно восемьдесят на восемьдесят. Два цвета: охряно-красный и черный. В середине вышит примитивистский рисунок: две скрещенных стрелы в рамке из осколков зеркала. А вне рамки, справа от стрел, вышитая грубым крестом фигура человека на коленях. В самом низу наклеены или пришиты две вырезанные из холста буквы: М. К.

– Инициалы?

– Вы меня спрашиваете? И еще вот это.

Из пакета появилось еще одно полотенце, только поменьше. Вышив ка изображала человека в окружении лижущих его ноги собак.

– Не знаю, имеет ли все это какое-то отношение к делу... Но довольно загадочно.

– Вы показали это полиции?

– Нет. Не показала. Они же никого не подозревают.

Извините...

Она поднялась и пошла к туалету. Катц постарался вспомнить времена, когда он учился в школе военных переводчиков. Тысяча девятьсот восемьдесят седьмой год. *Verba arma nostra*. Наше оружие – слово. Так звучал их девиз. Так оно и было. Их вооружали

словом. Тогда это был русский, немыслимое количество слов, идиом, их надо было зазубривать, запоминать примеры применения и каждую пятницу сдавать зачет. За десять месяцев они прошли трехлетний университетский курс. Катц прекрасно помнил бесконечные часы в лингофонных классах, труднейшие уроки этологии и психологии русского человека – считалось, что военному переводчику, особенно в кризисной ситуации, эти знания необходимы. Они получили специальное следовательское образование, ЛСС, как это называлось на военном жаргоне, – личностный сбор сведений. Нечеловечески тяжелые учения на Готланде – дайвинг, атакующий дайвинг, разведывательный дайвинг, модели поведения...

Ему запомнился учебный фильм про инсценировку утопления, или пытку водой, опять же на военном жаргоне.

Совершенно невероятно, подумал он, невероятно и необъяснимо, что никто тогда не возмутился, хотя их, по сути, обучали искусству пыток. В фильме некий шведский поручик спокойно и неторопливо завязал полотенце на лице человека с запрокинутой головой, намертво привязанного к больничной койке. Потом он стал лить на полотенце воду из лейки. Реакция наступила немедленно – человек задергался, закашлял, начались судорожные рвотные схватки. Испытуемый,

объяснил поручик, повернувшись к камере, испытуемый уверен, что его топят – он вдыхает воду. «При этом методе никаких физических повреждений не возникает, – спокойно звучал его голос, – но инсценировка утопления воспринимается как крайнее, практически невыносимое испытание. К тому же в шведском законодательстве метод не упоминается и не квалифицируется как преступление. Его разве что можно подвести под статью „незаконное принуждение“...»

Но более всего Катца удивляло, каким образом он, типичный представитель уличной шпаны, вообще попал в эту компанию. Единственный студент не из так называемой хорошей семьи. Хорошей – понимай богатой. Вернее, очень богатой. Он там был чужаком, но его приняли. Мало сказать – приняли. *Отобрали.*

Он посмотрел на дверь туалета. Ангела не появлялась.

А Джоель... что ж, Джоель тоже был в своем роде чужаком, хотя по иной причине. На нем лежала печать семейной трагедии. Его родители, как и родители Катца, погибли, когда он только-только вошел в подростковый возраст. Заперлись в гараже и включили двигатель. В их семейной усадьбе в Сёрмланде. После этого Джоель жил с дедом, Густавом Клингбергом, основателем знаменитой «Клигберг Аллюминиум», се-

довласым патриархом, железной рукой управлявшим созданной им империей. Густав умер примерно через год после их дембеля, Катц читал некролог в газете.

Но самая главная трагедия случилась еще раньше. Его старший брат в начале семидесятых бесследно исчез – событие, которое и привело родителей через десять лет к двойному самоубийству.

Эта боль, судя по всему, преследовала Джоеля постоянно. Боль и мучительное чувство вины, хотя никакой его вины в случившемся не было. Он был всего на несколько лет старше Данни, но держался как старик. Наверное, страдал, что именно он остался в живых, его очевидно преследовал комплекс вины, и, чтобы избавиться от этого комплекса, Джоель с головой уходил в занятия: теория, практика, непостижимая русская грамматика, гигантские словари.

Что случилось, он рассказал Данни лишь однажды, и то очень коротко. Его брата похитила неизвестная женщина в стокгольмском метро, и с тех пор никто его не видел. Дня не проходит, сказал Джоель, чтобы я не спрашивал себя, что могло произойти, кто стоял за этим похищением – сумасшедший одиночка или какая-то группа шантажистов. Но, насколько ему было известно, никто и никогда не обращался с требованием выкупа... Может быть, какие-то извращенцы, педофилы...

Исчезнувший мальчик оставил после себя огромную мрачную тень. Подумай сам, Данни, сказал Джоэль, – тело исчезло, а тень осталась.

Ангела вернулась из туалета, и Данни сразу увидел. Она плакала. Села за стол, старательно отводя глаза.

– Я очень, очень прошу вас попытаться узнать, что с ним случилось, – сказала она, изо всех сил стараясь держать себя в руках; фраза прозвучала бы сухо, если бы не невольный повтор: «очень, очень». – Я хорошо заплачу. Может, мы с Джоелем когда-либо и испытывали в чем-то недостаток, но только не в деньгах.

Она полезла в сумочку и вытащила ручку. И Данни сразу вспомнил, как пятнадцать лет назад, когда ему было совсем худо, он написал Клингбергу письмо – просил денег. Письмо попрошайки. Клингберг так и не ответил. А может, письмо не дошло.

– Найти исчезнувшего человека очень трудно. Особенно трудно, когда он не хочет, чтобы его нашли.

– Я всего лишь прошу попытаться.

– Даже не знаю, с чего начать. Совсем не моя область.

– Но вы же работали в разведке...

– Это вам Джоэль сказал?

– Он говорил, военное руководство устроило вас на работу в посольстве.

– Это было давно... я военный переводчик и программист. Ничего особенного. Я и сейчас работаю как переводчик. Перевести документ, статью... все что угодно – для тех, кто готов за это платить. Я никакой не секретный агент. И тем более не частный детектив.

Но она знала или почувствовала то, о чем он говорить не хотел. Ему очень нужны деньги.

– Если бы пропала я, Джоель наверняка бы захотел, чтобы за поиски взялись именно вы. – Она вяло улыбнулась. – Мне нужны ваши реквизиты. Банковский счет. Электронный адрес. Телефоны – мобильный и домашний. Мы должны все время быть на связи.

Катц достал из внутреннего кармана пиджака визитку – там были все его данные. И только когда передавал ей карточку, заметил, что на обратной стороне нарисованы сердце и цветок. Он сам их и намалевал – размышлял о чем-то и по привычке водил ручкой по первой попавшейся бумажке. Почему-то ему стало неудобно.

* * *

Катца кормило его идеальное чувство языка. Перевести на понятный шведский язык сложный документ, не потеряв при этом ни крохи смысла, заметить скры-

тые иной раз иносказания и оговорки – этого требовали его работодатели, которым документы были нужны для каких-то высших целей. Военные и международные аналитики, предприятия, поставившие целью удерживать ведущие позиции в отрасли и не спускавшие глаз с конкурентов. Иногда приходилось выполнять чисто технические переводы, требовавшие идеальной точности. Незаметная, часто скучная работа. Час за часом перед компьютером. Час за часом – поиски в словарях, в *Google*... заметки, ссылки, иногда отложенные на потом, не записанные в надежде на хорошую память и сидящие в мозгу, как гвозди: не забыть бы.

До этого он работал в охранной фирме с шикарным названием: *Capitol Security Group*, в Сольне. Основатель фирмы, Рикард Юлин, пригласил Данни десять лет назад, и Данни тогда только начинал выкарабкиваться из очередного наркотического омута. Впрочем, знакомы они были давно: в начале девяностых Катц и Юлин вместе работали в консульском отделе посольства в Петербурге.

К концу десятилетия сокращение военных расходов достигло максимума. Ставки исчезали одна за другой. Юлин не стал ждать увольнения, написал заявление и основал фирму – вместе с какими-то приятелями, которых он уговорил рискнуть капиталом.

К тому времени Катц потерял квартиру, бомжевал и медленно кончал жизнь самоубийством.

Юлин встретил его чисто случайно. Ему удалось уговорить Данни пройти курс лечения в стационаре, после чего предложил работу в своей фирме. Но Катц продолжал метаться. Всего через два месяца работы у Юлина, где он переводил статьи из русских военных журналов, Данни уволился и начал свое дело. К чести Юлина, он повел себя очень благородно и никаких конфликтов по поводу внезапного увольнения не возникло. Мало того, Юлин часто подкидывал ему работу *Capitol* – одно из немногих предприятий в Швеции, которому удалось получить лицензию на личную охрану. Фирма занималась также сопровождением ценных грузов, видеонаблюдением, сбором компромата и, среди всего прочего, поиском пропавших людей. Катц так и не мог решить для себя, правильно ли он поступил, взявшись за это дело. Ему надо было бы переправить Ангелу к Юлину – тот располагал необходимыми ресурсами, которых у Катца и в помине никогда не было. С другой стороны, ему отчаянно нужны деньги.

Он вернулся в офис, сел за стол и критически оглядел свой мирок: два компьютера, кресло для посетителей, совершенно девственное, ни один посетитель никогда в этом кресле не сидел. Книжная полка с

бесчисленными словарями и папками, привинченный к стене сейф, где он хранил наиболее щекотливые материалы. Как-то к нему обратились юристы крупной фармацевтической фирмы, попросили провести расследование нелегальной продажи препаратов на восточно-европейских сайтах. Требовалось найти и классифицировать материалы, которые можно было бы использовать на суде. Он, проследив трансферы между виртуальными кошельками, собрал целую кучу сведений, которых вполне хватило, чтобы предъявить судебный иск. Славянские языки, русские пиратские сайты, как функционирует Интернет по ту сторону Балтики, туннелирование *VPN*¹, продвинутые руткиты, информационное облако, как обходить *firewall*... Много чего, но все эта компьютерная дребедень вряд ли поможет в поисках пропавшего бизнесмена.

Он вздохнул, взял в руки подбитый поролоном конверт, оставленный ему Ангелой, достал полотенца и расстелил на столе.

Загадочные сюжеты. Человек на коленях перед скрещенными стрелами. Собаки лижут кому-то ноги. Холст кое-где замахрился, очевидно, очень старый. Перевернул холст – на обратной стороне крестики вышивки кое-где порвались. Антиквариат? У Клингберга вполне хватало денег, чтобы собирать старинные ку-

---

¹ *Virtual Privat Network* – виртуальные частные сети.

ръемы, вопрос только, было ли у него такое желание. Человеческие фигуры вышиты черным мулине, что-то в их стилизованных физиономиях наводило на мысль об Африке. Рабы? Почему он так подумал? Попытался проследить мысль, но безуспешно. Черные пленники.

Данни положил полотенца в ящик стола и постарался выбросить из головы Ангелу. Какие бесконечно грустные глаза...

Он включил компьютер – поискать сведения о своем бывшем соученике.

Портрет нашелся мгновенно. Данни увеличил его в полный экран. Снимок сделан на ежегодном собрании акционеров, примерно год назад. Джоель стоит рядом со своим дядей, генеральным директором «Клингберг Алюминимум». За спиной – группа мужчин в костюмах с бокалами шампанского. У Понтуса Клингберга под мышкой толстый переплетенный том – годовой отчет фирмы, если верить наклейке. И Джоель, в костюме, этом обязательном мундире делового мира, при галстук... обувь наверняка сшита на заказ. Волосы поредели с тех пор, как он видел его в последний раз.

Тогда он носил очки. Теперь очков нет, но аура та же самая... Аура заблудившегося и потерявшего надежду найти дорогу человека. Даже странно для одного из ведущих бизнесменов страны.

И что? С какого перепугу Джоель несколько месяцев назад заявил жене, что Данни Катц – единственный человек, которому он когда-либо верил?

Может, и вправду ему врезалась в память та драка, о которой Катц упомянул в разговоре с Ангелой? Когда Данни встал на сторону Джоеля в потасовке?

Было это на курсах общевойсковой подготовки в Карлсборге. Один из призывников из группы воздушного десанта начал задирать Клингберга. У заправских вояк люди вроде Клингберга уважением не пользовались: зубрила, из богатеньких, очковая змея, умник и наверняка председатель школьного совета – как ни удивительно, в случае Джоеля все это соответствовало истине. Катц не сразу полез в драку – он решил завязать с прежней жизнью уличного бойца. Но в этот вечер что-то заставило его нарушить обет смирения. И он даже знал, что: беззащитность Клингберга...

Тот был совершенно парализован страхом, он даже был не в состоянии убежать. И у Катца сработал примитивный рефлекс защитника. Он знал, что бояться ему нечего, – не потому, что был проворнее или лучше тренирован, чем здоровенный солдат элитного подразделения, а потому, что еще в юности научился плевать на все правила. И не успел парень даже дотронуться до Клингберга, Катц шагнул вперед, ударил кулаком в подбородок, почти одновременно ногой в

коленную чашечку, свалил на пол и разбил о его голову пустую бутылку из-под кока-колы. Все это заняло не больше пяти секунд.

Невероятно, но никаких дисциплинарных мер не последовало. Никаких обвинений. Никаких заявлений. Парень, наверное, постеснялся рассказывать своим приятелям, что получил трепку.

После этого Клингберг смотрел на него с восхищением. Откуда эта реакция, откуда такое умение? Где он научился драться? И Катц рассказал ему о годах в подростковой исправительной тюрьме, о нравах уличных банд, о маленьком «еврейчонке», который никому не давал спуска... о жизни, Клингбергу совершенно незнакомой и представлявшей полную противоположность его собственной жизни.

С этого и началось. Дело было в самом начале призыва, и с тех пор Клингберг искал у него защиты.

Данни щелкнул по крестик в правом углу экрана, и фотография исчезла. Он потянулся к телефону и набрал прямой номер Юлина. Три сигнала, и тот взял трубку.

– Это Катц. Не мог бы ты мне помочь проверить кое-что в полиции?

А что случилось? А вот что: Джоель Клингберг исчез, жена его обратилась ко мне за помощью, начал рассказывать Данни и услышал в ответ сердечный

смех – «ага, влез в мою епархию, Катц? Надо же, помешанный на компьютерах и языках Катц влез в мою епархию!»

Дальше – типичный Юлин: «дескать, мне не хотелось бы лишний раз использовать свои контакты, количество патронов, сам знаешь, ограниченно... ну, ладно, посмотрим, что смогу сделать».

– Я хотел бы знать, что за расследование проведено. Похоже, даже проверили его маршруты по *GPS*, прежде чем решили прекратить поиски. Может, жена просто-напросто мечет икру? Не исключено. Но все же... почему они отказались от поисков? Если я за несколько дней ничего не накопаю, пришлю ее к тебе.

– Ты себя недооцениваешь, Катц... Прекрасный случай немного расширить горизонты.

– Только с твоей помощью.

– Я же сказал – посмотрю, что в моих силах. Терпение, сынок.

Ну, вот и хорошо. У Юлина связи такие, что ему и не снилось.

* * *

Юлину потребовалось всего несколько часов, чтобы раздобыть нужные сведения. Следствие решили закрыть буквально через сутки после исчезновения

Джоеля. В розыск не объявляли – ничто не указывало на возможное преступление. Опросили всю семью Клингберг – ни к кому с требованием выкупа не обращались. Добросовестно обзвонили все больницы. Дело и в самом деле выглядело так, будто Клингберг скрылся добровольно, и у полиции не было никаких причин продолжать толочь воду в ступе. И самое главное – своему дяде, Понтусу Клингбергу, возглавляющему фирму, Джоель послал e-мейл: уезжаю на неопределенное время. Если верить рапорту, глава фирмы среагировал на сообщение скорее с раздражением, чем с беспокойством. Вот-вот должны были сойти со стапелей несколько важных контрактов, и Джоель, как главный юрист фирмы, обязан присутствовать при подписании.

Что касается машины, оставленной в подземном гараже, там стоянка оплачивается по выезде, так что Джоель просто оставил машину, провел карточкой по автомату – зарегистрировал время парковки – и ушел. Машину, естественно, нашли, полиция осмотрела ее и передала Ангеле Клингберг. Юлин даже приложил распечатку *GPS*, о которой говорила Ангела. Все совпадало с ее рассказом... но и не совсем все: оказывается, Клингберг останавливался у теннисного стадиона в Транеберге не один раз, а два. После чего поехал к вокзалу, оставил машину в гараже и исчез.

Интересно... почему Джоэль дважды останавливался у теннисного стадиона, в двух шагах от Данни? Хотел что-то рассказать? С чего бы это? Наверняка случайность. Мало ли что может понадобиться человеку в этом районе.

Ну, хорошо. А если вопрос поставить по-другому: что может заставить человека добровольно исчезнуть? Если верить Ангеле, никакого отношения к их утренней ссоре исчезновение не имело: они успели помириться. Угроза? Кто-то его так напугал, что он решил скрыться? Занимался чем-то незаконным? А может быть... может быть, он тайный наркоман в завязке, а теперь сорвался? Не суди по себе, мысленно сделал он себе замечание. Ты-то сам до сих пор колешься во сне.

Скорее всего, конечно, сел на поезд и отправился куда-нибудь с любовницей. Но какой нормальный мужчина оставит такую женщину, как Ангела? Данни не мог забыть, как она сидела за столиком «Риторно», печальная, обеспокоенная. Почему она так его возбудила? Фантазии, фантазии... он представлял, как она чуть дрожащими от волнения длинными элегантными пальцами расстегивает сорочку, медленно, пуговицу за пуговицей, скользит ногтями по груди, животу, нежно массирует член рукой с обручальным кольцом... эрекция наступила мгновенно и так же мгновенно про-

шла – от презрения к самому себе, решил Данни. Или от зависти: такая женщина и принадлежит другому.

Остаток дня он плавал в бескрайнем море Google – просмотрел чуть не все ссылки с фамилией Клингберг, но ничего, что могло бы пролить хоть какой-то свет на исчезновение Джоеля, так и не нашел. Дела у семейного предприятия шли очень и очень неплохо. Только что заключили большие контракты с Россией и Китаем. Джоель упоминался довольно часто, отмечалось, в частности, что за короткий срок он вырос из одного из многочисленных членов правления до вице-председателя. Но и все – ничего, что выходило бы за пределы деловой активности. Ни в Линкедине, ни в Фейсбуке – ни в одной из социальных сетей Джоеля не обнаружилось.

В половине пятого Данни позвонил в «Клингберг Алюминий» и попросил соединить его с дядей Джоелем, но дальше секретарши не добрался. Бодрым голосом она сообщила, что свяжется с ним, когда изучит календарь генерального на ближайшие дни. Положил трубку, потянулся – наверное, на сегодня хватит.

Нет, не хватит. Он набрал номер Ангелы Клингберг. – Я хотел бы взглянуть на машину Джоеля.

– Вы хотите сказать, полиция могла что-то не заметить? Конечно... когда?

– Если можно, прямо сейчас. – Он прижал трубку к

уху, чтобы слышать ее ровное дыхание, и тут же представил, как они лежат рядом в постели и она, засыпая, дышит ему в ухо.

– А можно чуть попозже?

– Конечно... и еще: мне бы хотелось посмотреть его компьютер.

– Разумеется. Компьютер стоит в кабинете, как он его оставил. Даже, по-моему, не выключил.

– Замечательно. Когда?

– В половине девятого... вам удобно?

– Да, конечно... Думаю, это не займет много времени.

* * *

Квартира супругов Клигберг занимала два верхних этажа в большом доме в югенд-стиле на Шеппаргатан, недалеко от парадной набережной Страндвеген.

Катц вошел в подъезд. Лепнина на потолке, величественные мраморные пилястры. Цветы на окнах. К его удивлению, у них оказался отдельный лифт. Он поднялся прямо в квартиру. Ангела встретила его в холле, открыла массивную чугунную решетку и пропустила вперед.

На этот раз она была в джинсах и блузке, волосы

собраны в конский хвост. Катц из всех сил старался не замечать аромат ее духов, не обращать внимания на лямку сливочно-белого лифчика под сползшим плечом блузки.

– Извините, не смогла раньше... у меня уже были договоренности. Машина стоит в гараже. Давайте сначала пойдем туда, а потом вернемся к компьютеру.

Они спустились в подвальный этаж, оттуда шла еще одна лестница в гараж.

В дальнем углу стоял красный «лексус» Джоеля Клингберга. Гибрид, отметил Данни. Электрический двигатель, батареи подзаряжаются от бензинового мотора.

– В нашей семье только я думаю об экологии. – Ангела словно прочитала его мысли. – Сам Джоель выбрал бы здоровенный джип. Все его приятели ездят на джипах. Не хватает мозгов понять, что экология – это не государственная программа, а личное дело каждого. Но я все же председатель общества, занимающегося вопросами охраны окружающей среды.

– Этим вы и занимаетесь? Охраной природы?

– Это скорее почетная должность. Без оплаты. Раньше я читала лекции об экологически устойчивом развитии общества на предприятиях, где эти вопросы были, мягко говоря, не в чести. Вообще, по образованию я морской биолог, как ни странно.

Она посмотрела на него, как показалось Данни, с вызовом. За красоту приходится платить – никто не принимает ее всерьез.

Ангела открыла дверцу и заглянула в салон.

– Прошу прощения, – остановил ее Данни. – Расскажите сначала, как вы встретились с Джоелем.

– Общие знакомые. Я тоже росла в Юрхольмене, всего в паре кварталов от Джоеля. И, знаете, странно – мы никогда не встречались до того, как нас познакомили. Я долго жила в Париже, потом вернулась в Швецию – решила учиться. Двенадцать лет назад... И конечно, обнаружилась масса общих знакомых. Например, мой дед сидел в нескольких правлениях фирм вместе с его дедом. А дядя Джоеля, Понтус, одно время вращался в тех же кругах, что и мои родители. В семидесятые годы они даже основали вместе гольф-клуб в Испании. В Марбелье. Мы оба учились в интернатах: Джоель в Сигтуне, я в Лундсберге.

Катц заглянул в машину. Салон идеально прибран, ни пылинки на ковриках, ни парковочных талонов, ни обертки из-под жвачки. Он включил навигатор. Ангела пользовалась машиной в последние дни, но никуда особенно не ездила – все в пределах Эстермальма. Самая дальняя поездка – Эстермальмская площадь. Наверное, на рынок ездила – там прекрасный, хоть и очень дорогой рынок. Он нашел дату исчезно-

вения Клингберга и внимательно просмотрел маршруты того дня. Все совпадало с данными, полученными от Юлина.

– А раньше он не исчезал? – вдруг пришло ему в голову.

– Нет... за время нашей с ним жизни – нет, – поправились она.

– А враги у него были?

– Какой странный вопрос. Насколько я знаю – нет.

– Любовницы?

Она напряглась – видимо, вопрос ее задел.

– Нет. Насколько мне известно – нет. Джоель очень лоялен. А к тому же я почти уверена, что у него просто не хватит хладнокровия жить двойной жизнью.

Или наоборот – хладнокровия с избытком, чтобы водить людей за нос. Катц почти не знал Джоеля, несмотря на постоянное общение в армии. Он вообще мало знал об их мире, мире запредельно богатых людей.

– А фирма? «Клингберг Алюминимум»? Джоель никогда не рассказывал, к примеру, что фирме что-то угрожает?

– Мы никогда не говорили про его работу. Пришли к молчаливому соглашению. Муж работает на семейном предприятии шестьдесят часов в неделю, а это значит... сами понимаете, что это значит. Традиции,

чувство долга... в общем, мы стараемся говорить о другом. Прочитанные книги. Фильмы. Театр... в тех редких случаях, когда у Джоеля есть возможность.

Трудоголик... А может, это и есть причина? Переутомление. Как говорят, сгорел на работе. Уверенно шел по жизни, неожиданно уткнулся в стенку и в панике бросился бежать.

Он вылез из машины, присел на корточки и заглянул под переднее сиденье. Нет... не все так идеально. На коврике лежал старый парковочный талон и скомканный бумажный носовой платок со следами крови.

– У него бывают носовые кровотечения. – Ангела двумя пальцами приняла платок. – Без всякой причины. Не только у него. Это у них в роду.

Кокаин? Может быть, но это никак не совмещалось с мысленно составленным психологическим портретом Джоеля.

Обошел машину и открыл багажник. Ничего интересного. Красный предупредительный треугольник, пустой бумажный пакет из *НК*. Он потянулся за ним, рукава пиджака и рубашки задрались, и в свете ламп дневного света на потолке стали четко видны рубцы на предплечьях – желтоватый лунный пейзаж, оставленный пристрастием к наркотикам, зарубцевавшиеся следы воспалений от уколов тысяч игл.

Она тоже заметила. Во всяком случае, отвела гла-

за.

– И я подумал еще вот что, – сказал Катц, медленно обходя машину. – В подземном гараже у вокзала, где Джоель оставил машину, есть камера видеонаблюдения. Здесь, кстати, тоже есть – видите, вон там, наверху? Но сюда-то машину пригнали уже после его исчезновения. А там... Полиция проверяла? Наверняка есть запись момента, когда он парковал машину.

– Не знаю... мне про это не известно. Но я уже говорила – они не отнеслись всерьез к моему заявлению.

– Я понимаю...

Он проверил заднее сиденье, пассажирское, пальцем залез в щель между сиденьем и спинкой и захлопнул дверь.

– Пока все. Давайте поднимемся и посмотрим на компьютер, пока еще не слишком поздно.

Она провела его через какой-то узкий коридорчик – наверное, в старые времена он предназначался для прислуги. За полуоткрытой дверью спальня – величиной с его квартиру. Прошли великолепную, похоже, только что установленную суперсовременную кухню, обеденный зал с выложенной изразцом печью и мозаикой в эркере, гигантскую гостиную с окном с мелкорешетчатым переплетом в виде огромной бабочки и поднялись на второй этаж в кабинет Джоеля.

Широкое окно на крышную террасу. Компьютер на письменном столе.

– После исчезновения Джоеля никто к компьютеру не подходил, – завершила Ангела. – Кроме меня, конечно... Я посмотрела последнюю почту – на всякий случай. Ничего подозрительного не нашла... – Она поймала вопросительный взгляд Данни и покачала головой. – Нет-нет, Джоель особенно не таился. Никаких паролей.

С тихим жужжанием заработал жесткий диск. Данни осмотрел комнату. Сделанные на заказ книжные полки с папками и документами вдоль одной из стен. Над дверью – одинокая картина, что-то вроде натюрморта: два скрещенных птичьих пера, пробка от шампанского и пузырек духов, довольно неумелая любительская поделка. Свадебная фотография. Клингберг во фраке, Ангела в кремовом свадебном платье. Вид у обоих счастливый. Данни присмотрелся – похоже, искренне счастливый. Никакой натяжки. Не изображают счастье.

Он открыл поисковик. Щелкнул по стрелке – посмотреть последние сайты. Их оказалось совсем немного – Клингберг уничтожил все ссылки в середине апреля, за неделю или чуть больше до своего исчезновения. Восстановить их не составило для Катца большого труда – есть специальная программа.

Но ничего примечательного он не обнаружил. Последнее время Клингберг читал в основном зарубежные деловые издания – *Financial Times*, *The Economist*, *Finanzwelt*. Помимо этого, справлялся в Википедии о бордоских винах и выбирал в *Google* адреса ресторанов.

Он включил почтовую программу. Письма, которое она назвала «прощальным», в отправленных не нашлось – он послал его с айфона. В корзине – сплошной спам, а сохраненная корреспонденция исключительно деловая.

– Я хочу инсталлировать одну программку... – обратился он к Ангеле. – Если вы не против... могут найтись вещи, о которых вам не хотелось бы знать...

– Нетрадиционные наклонности? – Ангела криво улыбнулась. – Я готова рискнуть.

Катц вставил флешку, щелкнул по появившейся иконке и перекачал программу в компьютер. Программу эту он составил сам и был вполне доволен результатом. Важно, что она не обращала внимания на нулевую информацию – на огрызки файлов, программ, на бинарный мусор, которым забит каждый компьютер.

Через десять секунд поиск закончился. Клингбергу, похоже, и в самом деле нечего было скрывать. Единственная скрытая информация, если это можно на-

звать информацией, заключалась в каком-то архивированном файле, который случайно был сохранен, как системный. Катц скопировал файл на флешку – этим можно заняться и потом.

– Итак, компьютер никто не трогал, кроме вас? Я имею в виду... после исчезновения Джоеля?

– Нет... а что?

– Чересчур прибран. Такое ощущение, что кто-то провел генеральную уборку.

– И ничего необычного?

– Ничего.

– Вы уверены?

– Совершенно уверен.

Ангела Клингберг покачала головой и посмотрела на свадебную фотографию.

– Десять лет назад... – сказала она не сразу. – Почти ровно десять лет назад. Мне было двадцать пять... на следующее утро мы уехали в свадебное путешествие. В Доминиканскую Республику. Это же именно там когда-то родилась империя «Клингберг Алюминий». Дед Джоеля Густав начал торговать сахаром и бокситом в Санта-Доминго еще в сороковые годы. Собственно, Густав и родился там, в семье шведского миссионера. Его родители помогали бедным, главным образом, в сельских районах. В Комендадоре даже улица названа в их честь... Комендадор

– город на границе с Гаити. Джоэль рассказывал – они спасли очень многих, когда доминиканская армия уничтожала гаитянских беженцев. Это был настоящий геноцид. Петрушечный геноцид, как его называли.

– И что потянуло вас именно туда? Джоэль хотел полной грудью вдохнуть семейную историю?

– В какой-то степени – да. Он там часто бывал в детстве, с дедом. Почти каждое лето. И мы тоже... посетили первую бокситную разработку. Побывали на лютеранском кладбище в Санта-Доминго, где похоронены многие члены семьи. – Она мечтательно улыбнулась. – Это было замечательное путешествие. Я научила Джоэля дайвингу. Он даже получил сертификат *PADI*². В городке на восточном побережье. Я к тому времени уже начала учиться на морского биолога. В Карибском море совершенно фантастическая, неправдоподобная морская фауна. И флора тоже... Мы видели барракуд, тигровых акул. Я бы охотно опять туда съездила. Мы даже говорили с Джоелем – а не совершить ли нам юбилейную поездку, отметить десять лет свадьбы.

Она помолчала и кивнула на натюрморт над дверью.

– Джоэль нарисовал это, когда мы там были. Довольно беспомощно, правда?

---

² PADI – Профессиональная Ассоциация дайвинг-инструкторов.

– Я не знал, что Джоэль увлекается живописью.

– А он и не увлекается... это его единственное произведение, если можно так назвать. Это... как вам объяснить... это как бы память о дне, когда исчез его старший брат. Джоелю было года два или три... но он утверждает, что все помнит. Женщина обещала подняться с Кристофером по лестнице в метро, а Джоэль был в коляске, и отец пошел к лифту. Но когда они поднялись на перрон, не нашли ни женщины, ни Кристофера. Они должны были сидеть на скамейке и дожидаться Джоэля с отцом.

– А какая связь с картиной?

– Джоэль утверждает, что под скамейкой лежали два скрещенных птичьих пера, а на них – пробка от шампанского. Почему-то он вспомнил все это, когда мы были в Санта-Доминго.

– Странно...

– Еще как, правда?

– А духи?

– Вот это я не помню. Думаю, женщина, которая похитила Кристофера, была сильно надушена. Или что-то в этом роде. В общем, все это неважно. Верны воспоминания или нет, никому не известно, но Джоэль уверен, что так и было.

Катц выключил компьютер и встал. Ангела Клигберг откинула упавшую на лоб прядь волос – жест на-

помнил ему Эву Дальман. Они чем-то похожи – почему он не заметил при первой встрече?

– На сегодня все? – спросила она.

– Да.

– Чем я еще могу помочь?

– Мне надо было бы поговорить с дядей Джоеля.

Но это, оказывается, не так легко.

– Не беспокойтесь. Я позвоню Понтусу и закажу для вас время.

* * *

В десять часов вечера Катц поставил машину на стоянке у Центрального вокзала и дошел до подземного гаража. В плексигласовой будке сидел одутловатый, совершенно лысый парень лет тридцати и решал sudoku.

Катц представился, и парень впустил его в будку – с задней стороны была дверь.

– Значит, это ты мне звонил только что... хочешь посмотреть записи? Я отобрал кое-что... сам понимаешь, делать здесь нечего, поэтому радуешься любому развлечению. Двадцать второе апреля? Я правильно понял? Время ланча, красный «лексус»?

Катц молча кивнул.

– Не бесплатно, понятно, поскольку ты не из поли-

ции. Скажем так... тысячу спенн, и можешь смотреть кино с утра до вечера. Нон-стоп видеосалон... если, конечно, шеф не объявится.

Катц отсчитал две пятисотенные бумажки и положил на стол.

– Машину запарковали на втором подвальном этаже. Рядом со столбом, в 11:54.

Он вывел запись на экран – Катц успел заметить, что все материалы рассортированы по датам. Появилось восемь кадров.

– У нас по две камеры на каждом этаже. Есть еще одна, на въезде, но она выведена на другой терминал. Парень, которого ты ищешь... вот он, – вахтер показал на два кадра слева внизу. – Вот, смотри... вот въезжает красный «лексус», вот он его паркует, выходит из машины, вот идет к лестнице... Но если ты меня спросишь, я скажу так: смотреть здесь не на что.

Он щелкнул мышкой по нижнему кадру слева и вывел его на полный экран. Красный «лексус» спускается по пандусу, лица водителя не различить, но, похоже, в машине больше никого нет.

– А увеличить можно?

– Не-а. Увидишь сплошные пиксели. А вот он выходит из своей тачки.

Пошла запись со второй камеры. Машина Клингберга остановилась, но теперь видеть ее мешал

столб.

– Погоди-ка... Вот он во весь рост. Опять же лица не видно... но ставлю тысячу спенн, что мигрант. На таких машинах только мигранты ездят, у них денег куры не клюют.

В кадре появился мужчина в серой куртке с капюшоном. Фирмы «Песец». Хорошие куртки, Катц прошлой осенью купил точно такую же, но ее украли. Ограбили подвал.

– А на лицо нельзя посмотреть?

– Нет... и дождя в тот день не было. Почему он в капюшоне? Я проверял камеру на въезде. Холодина – это да. Минусовая температура. В апреле-то! Но солнечно. Дождя и в помине не было. День, ясное дело, холодный, но солнечный.

Мужчина в куртке явно сознавал, что работает видеокамера. Насколько можно, закрыл лицо капюшоном, наклонил голову, быстро пошел к выходу, открыл дверь на лестницу и исчез.

– Не так уж много экшена, а? – Парень усмехнулся и мотнул головой в сторону экрана, где продолжала беззвучно крутиться запись. – Ни голубя, ни крысы. А этого добра у нас... И подростки из пригородных банд. Нарики. Тут ночью зоопарк... А в чем дело вообще? Что-то натворил этот парень? Не ты один интересуешься.

Катц посмотрел на него с удивлением.

– А кто еще?

– Полиция. Снюты.

А это уже непонятно. Ангела Клингберг сказала, что полиция вряд ли проверила камеры наблюдения. И в материалах Юлина ни слова.

– Когда?

– Несколько дней назад. Самое большое – с неделю. Баба какая-то. Красивая, вообще-то. В отличной форме, лесбиянка, скорее всего. Лет сорок навскидку. Удостоверение, все как положено.

Вахтер, не вставая, дотянулся до стоящей на полке банки с кока-колой, сделал большой глоток и зло осклабился:

– Я ж тебе говорил – зоопарк!

Он выбрал другую секвенцию, и на экране появилась стайка подростков. Они остановились на лестничной площадке прямо под камерой, достали, как по команде, аэрозольные краски и начали. Управились за минуту, не больше – все четыре стены изгвазданы так, что чистого места не найдешь. Один из парней с заплетенными в косички волосами повернулся к камере, ухмыльнулся и запустил в нее бутылкой из-под пива. Не попал. Попытку повторять не стал, и вся банда исчезла. В камере застыла картинка: испачканные стены и осколки бутылки на полу.

– Вот подонки! Видел этого павиана, который бутылку швырнул? И знаешь, что я думаю? Думаю, этот норвежец, Брейвик был прав. Вся эта мульти-культи бредятина до добра не доведет. Но никто же не решается сказать вслух! Даже Окессон со своими «шведо-демократами»³ и то... теперь они, суки, политкорректны. Так что скажешь? Прав Брейвик или не прав? А я тебе вот что скажу: сделал то, что и надо было сделать. Единственный способ. Надо же добраться до корней проблемы, корчевать, пока не поздно...

Вахтер замолчал и почесал лысину.

– Значит, есть еще одна камера, – сказал Катц спокойно.

– Что?

– На входе. На лестничной площадке. Ты сам ее установил? Гараж не имеет права вести наблюдение вне парковочных залов.

– Я же говорил – здесь ничего не происходит. Восемь часов в стеклянном стакане. Надо же чем-то развлечься... Кстати, я ее снял. Кто-то донес шефу.

– А двадцать второго апреля она стояла?

– Может быть...

– И ты ничего не сказал полиции?

– Кому? Этой лесби?

---

³ «Демократы Швеции» (*Sverigedemokraterna*) – правая националистическая партия, имеет представительство в парламенте.

– Я хочу посмотреть запись. Ведь этот парень с «лексусом» прошел мимо твоей камеры, когда выходил на улицу? Прошел.

Вахтер вздохнул:

– Может, она где и есть, эта запись. Но это стоит еще пятьсот.

Катц выложил еще одну ассигнацию, и через две минуты владелец «лексуса» появился на экране. Он прошел спиной к камере, капюшон по-прежнему не снят. Среднего роста. Как Клигберг, как он сам и как еще миллион особей мужского пола в стране. Походка самая обычная, ничто не бросается в глаза. Лицо так ни разу и не показал.

– Осторожный тип, – прокомментировал вахтер. – Не хочет, чтобы его узнали... Можно выключать? У меня есть дела...

– Подожди!

Судоку, вот все твои дела.

Запись продолжалась. Внезапно освещение в кадре изменилось – кто-то открыл дверь этажом ниже. На стене появились две тени. Двое встретились, несколько секунд поговорили о чем-то и разошлись. Потом один из них – человек в куртке с капюшоном – вышел на улицу, а второй пошел по лестнице на второй этаж.

Катц узнал его. Молодой парнишка, лет семнадца-

ти. Он остановился на площадке прямо под камерой. Грязная одежда, на плече рюкзак. Бомж и наркоман. Но сейчас, судя по всему, чист. И чем-то смертельно напуган.

– Нарик, – брезгливо сказал вахтер. – Здесь их кишмя. Я одного нашел мертвым. На той неделе. Сначала решил, спит... лежит на заднем сиденье старой «той-оты» и спит. А он, оказывается, коньки откинул... а посмотри на этого! СПИД у него, что ли...

Сомнений не было – тот самый парень, которого он видел на встрече Анонимных наркоманов. Катц открыл встречу, «поделился», как они это там называли. Послушал рассказы других. Подивился, как отстали эти люди в развитии. Они даже не понимали, даже не могли толком рассказать о своих проблемах – так, лопотали что-то несвязное. Данни тогда обратил внимание на сидевшего поодаль парнишку. Вид у него был отсутствующий, он, похоже, толком не понимал, что вокруг происходит. В той же грязной одежде, что и на этих кадрах, с пятнами крови на джинсах. С тем же рюкзаком – только тогда рюкзак стоял на полу, прислоненный к ножке стула.

– А распечатать можно?

– Отдельные кадры? Конечно...

– Мне нужно фото человека в куртке и этого паренька.

Вахтер включил принтер, и через полминуты передал Данни два листа.

– Тебе повезло, – усмехнулся он. – Распечатка входит в цену. Катц внимательно рассматривал снимок юного наркомана. И в самом деле, чем-то смертельно напуган... чем? Или кем? Человеком в куртке «Песец», с которым встретился на площадке? Почему-то Данни все больше сомневался, что этот человек – Клингберг.

А паренек слишком юн для наркоты. Впрочем, он и сам был когда-то слишком юн...

В первые десять лет жизни Катц сменил шесть школ. Родители, Беньямин и Анн, были учителями, но у Беньямина был невыносимый характер, поэтому он долго нигде не задерживался. На последнем месте работы он сломал завхозу ключицу – причиной ссоры на этот раз оказалась неисправная вентиляция в учительской. Отец был совершенно не в состоянии контролировать неожиданные вспышки ярости. Это было в крови, и сын унаследовал его характер. Всю свою жизнь он пытался с этим справиться, но удавалось далеко не всегда.

Беньямин умер от рака легких через несколько дней после четырнадцатилетия сына. А вскоре умерла и мать. Она перестала есть и постепенно истаяла в

больнице в Соллентуне. Родственников не нашлось. И Катца поместили в детский дом. Собственно, странно, что он не угодил туда раньше: уже несколько лет как паренек совершенно отбился от рук – в одиннадцать попался на мелком воровстве в магазине, а в двенадцать на него был составлен первый акт в социальных службах.

После смерти родителей не было ни единого человека, кто был бы для него авторитетом, кому хотелось бы подражать. В детском доме в Хессельбю, куда его направили, он быстро подружился с так называемыми «проблемными» подростками: банды из Блакеберга и Риссне. Полудети, которым, куда бы они ни кинули взгляд, какие бы варианты жизни ни перебирали, не светило никакое будущее. Данни очень быстро сошелся с ними. По заказу взрослых уголовников они взламывали виллы, бродили по ночам по пояс в воде на лодочных стоянках и мощными бокорезами перерезали крепления подвесных моторов, занимались грабежом и продажей краденого. Избивали людей, которые им чем-то не нравились, но главное – подрабатывали наркокурьерами. Героин был везде. Катц видел, что делает героин с людьми, как ломает психику, но он был всего лишь подростком и не видел оснований противостоять соблазну – уж кто-кто, а он уж сумеет не поддаться зависимости! Его первый юноше-

ский роман тоже был связан с наркотиками. Он продолжался всего несколько месяцев и закончился катастрофой. Может, именно поэтому он не успел стать по-настоящему зависимым. Странно, но чудовищная история с Эвой Дальман спасла его от наркотической гибели.

Они встретились летом, когда ему исполнилось шестнадцать. Их познакомил лучший друг Катца, Йорма Хедлунд. Эва была высокой и очень стеснительной девочкой. Она слегка заикалась, поэтому предпочитала молчать. А Катц сначала подумал, что это ее молчание – признак высокомерия, и потом решил, что она скрывает какую-то тайну. Она была на два года моложе, семья у нее, в отличие от Катца, была, но лучше бы ее не было. Эва ушла из дома, жила где придется, иногда ночевала в комнатке Катца в детском доме, если ему удавалось незаметно провести ее мимо дежурного. Первая инъекция тоже связана с ней. Они забрались в подвал многоквартирного дома на Астракангатан, и у него так дрожали руки, что в конце концов она взяла у него шприц и сама вколола ему героин.

В то лето они почти все время были вместе. Кололись, занимались любовью, подворовывали в супермаркетах. В августе Йорма заметил, что экипаж шикарной яхты в лодочной гавани у Хессельбю сошел на

берег. Моряки, весело переговариваясь, поймали такси и уехали. Катц и Йорма дождались темноты и поплыли к яхте. Эва осталась на берегу, предупредить в случае чего. Тысяча крон наличными – вот и все, что нашлось. Больше ничего ценного. Рассчитывали на куда более жирную добычу и со злости испакостили на яхте все, что могли: разбили стулья и кресла, нашли банку с краской и залили одежду в гардеробе, перевернули всю еду в холодильнике.

В тот же вечер они с Эвой забрались в велосипедный гараж неподалеку. Торопливо смешали дозы, и Данни сразу понял, насколько крепкую штуку они прикупили: суставы мгновенно онемели. Как-то странно, по-другому, чем всегда... ему на секунду стало страшно, но он тут же отключился.

Проснулся он в лесу. Как он потом узнал, на Груббхольмене, необитаемом островке напротив набережной в Хессельбю. Его сразу ослепил неправдоподобно яркий луч направленного на него карманного фонаря. Повсюду были полицейские, неумолимо лаяли собаки. Брюки были спущены до колен, в руках женские трусы. Кто-то схватил его за волосы и повернул на живот. Он увидел Эву Дальман. Ее, совершенно голую и всю в крови, несли куда-то на носилках, на него кто-то орал, заставили сесть и защелкнули наручники.

В исправительной тюрьме для подростков, куда его

определили, психолог много раз пытался помочь ему вспомнить, что же произошло в ту ночь. Полиция пришла к выводу, что якобы он, Даниель Катц, ударил чем-то свою подружку так, что она потеряла сознание, и искусал ей шею до крови. Но Катц, как ни старался, вспомнить ничего не мог. Эва тоже ничего не помнила. Ее поместили в лечебницу для несовершеннолетних наркоманов в Норрланде, много раз допрашивали, но она упорно и категорически отрицала вину Катца.

Эта история преследовала его много лет. Самое тяжкое – неизвестность. Кто вообще способен на такое? Он извел себя сомнениями. Может быть, и вправду он, под действием этого чертова, невиданной силы героина? Но так жить нельзя. Он принял решение. Надо жить дальше, надо кончать со старым.

У него обнаружили нешуточные способности, и это стало его спасением. В подростковой тюрьме, или «исправительном учреждении для трудных подростков», как это называлось официально, ему разрешили поступить в гимназию в Хюддинге, по линии естественных наук. Он получил высшие оценки по всем предметам, особенно отмечены были его редкие способности к языкам и математике. Данни повезло и с педагогами – ему позволяли и даже поощряли далеко выходить за пределы учебной программы. Он даже

иногда замещал педагогов, если кто-то заболел.

В восемнадцать лет он записался в армию. Военный психолог предложил пройти несколько тестов, необходимых для получения специального образования. Тест Стэнфорда-Бине показал заоблачные результаты, впрочем, как и другие тесты умственного развития. Через месяц ему позвонил майор из призывной комиссии и предложил проходить военную службу в школе переводчиков. Если Катц заинтересован, для него сохранено место.

Он стал одним из трех выпускников школы военных переводчиков, кому сразу предложили должность. Осенью 1988 года он начал работать в посольстве Швеции в Хельсинки, переводил для военного атташе русские газеты, указы, перехваченные пограничные переговоры – все что угодно. Очевидно, Катц справлялся со своими обязанностями хорошо – его повысили в звании и перевели в генеральное консульство в Ленинграде, который вскоре сменил название на Санкт-Петербург.

Там он впервые встретил Юлина. Формально должность Юлина называлась так: вице-консул по визовым вопросам, но на самом деле он работал на военное ведомство. Советский Союз к тому времени висел на ниточке, но консульство по-прежнему отвечало за официальные контакты с Северо-Западом:

Архангельская, Мурманская, Новгородская и Псковская области, автономные республики Карелия и Коми, Ненецкая автономная область и калининградский анклав. События развивались с пугающей быстротой, и Юлину вменялось в обязанность отслеживать, что происходит с военной промышленностью, кто отвечает за склады вооружения и ракетные базы.

Катц встречался с ним не часто, два-три раза в неделю – тот в основном был в разъездах. Но Юлин ему очень нравился – его спокойствие, его располагающая приветливость... чего еще можно требовать от профессионального военного? Он быстро сообразил, что Юлин довольно долго работал под чужим именем, под цифровым кодом и даже с дублером, чтобы избежать попыток двойной вербовки. Это произвело на Данни сильное впечатление. Юлин был старше его на шестнадцать лет, и только когда тот получил срочное назначение в миротворческую миссию на Балканах, Катц сообразил, что значил для него Юлин. Он заменил ему старшего брата.

Весной 1992 года Катца сократили – так же внезапно, как и назначили. Его должность военного переводчика перестала существовать, «холодную войну» посчитали законченной. Он вернулся в Стокгольм в период резкого снижения конъюнктуры и написал за-

явление в управление по трудоустройству, прекрасно понимая, что шансов почти нет. Самолет приземлился в Арланде, и он внезапно осознал, что идти ему некуда. С Юлином он не встречался больше года и, почти не надеясь на успех, позвонил по старому служебному номеру – как ни странно, Юлин взял трубку. Мало того – оказался настоящим ангелом-хранителем: буквально за неделю нашел Данни работу переводчика в *FRA*, Управлении радиоразведки и радиоперехвата, гражданского ведомства, выполняющего заказы Министерства обороны.

Работа заключалась в том, что он сидел в одиночестве в маленьком кабинете на Лувё и готовил материал для военных аналитиков. По крупицам собирал осколки информации, а кто-то другой склеивал эти осколки в более или менее понятное целое. Иногда встречался с Юлином. Тот делал карьеру: теперь он уже был атташе при главной квартире НАТО. Иногда возвращался в Стокгольм, они встречались, ради шутки говорили по-русски и обменивались сплетнями про бывших сослуживцев.

Уже на второй год в Стокгольме Катц опять начал злоупотреблять героином. Даже и сам не знал почему. Скорее всего, его мучило одиночество. Одиночество окружало его все плотнее и плотнее, как постепенно сжимающийся стеклянный пузырь, вобравший

в себя все: и безвременную смерть родителей, и глупо потраченную юность, и Эву Дальман, с которой он так ни разу и не встретился после того кошмарного дня... и беспричинную и безымянную ярость, которая всегда была с ним, насколько он себя помнил. Эту проклятую ярость тоже вобрал в себя непробиваемый пузырь одиночества.

Наркоту он покупал у дилера, знакомого еще по временам Хессельбю, латиноамериканца по имени Хорхе. Кожа лица у него была похожа на рыхлую, порозную штукатурку – как и у всех, кто давно и прочно сидел на игле. Но Катц долгое время не позволял наркотикам взять вверх – работал добросовестно, заказы сдавал вовремя, не задерживал, и носил сорочки с длинными рукавами, чтобы никто не заметил следы инъекций.

Летом 1993 года руководство управления неожиданно командировало Катца в Берлин. Старый четырехсторонний договор после объединения Германии утратил свою силу. Русские разбирали склады, упаковывали и отправляли оружие в берлинский пригород Эркнер, откуда поездами вывозили в Москву. Катцу вменялось собирать данные об организации этой беспрецедентной эвакуации, насколько поторапливаются русские, какие части войск задействованы, какова реакция прессы – как русской, так и немецкой.

Получив подробные инструкции, он поехал в Берлин – с дипломатическим паспортом и десятью граммами голландского героина во внутреннем кармане пиджака. К этому времени он утроил дозу.

Консульство сняло ему квартиру на Винерштрассе в Кройцберге, в двух шагах от Коттбуссер Тор. И это значило, что раздобыть препарат не составит никаких трудов. Коттбуссер Тор – центр героиновой торговли в центральном Берлине. Беззубые нарики продавали турецкий героин раз в пять дешевле, чем в Стокгольме. Шприцы покупали у дверей аптеки, в упаковках по десять штук.

Через два месяца он уже не мог жить без дозы – потребность все увеличивалась, он нуждался в героине круглые сутки, иначе наступала полная апатия и безразличие ко всему. Иной раз рисковал – делал укол прямо в своем кабинете, все чаще брал отгулы, завел друзей в кругу себе подобных. Потом стал брать больничный, на неделю и больше... в эти дни он жил как в тумане и, как правило, потом ничего не мог вспомнить.

Временное спасение пришло, когда его вызвали в Стокгольм на компьютерные курсы в КТН. Картотека оборонщиков работала как часы. Они знали про его необычные способности к программированию, талант полиглота и еще более редкий талант – умение соби-

рать информацию. Наступало новое время. В жизнь, как ураган, ворвался Интернет с его возможностями. Персональные компьютеры становились все мощнее, все быстрее. Надо было смотреть в будущее, и все понимали, что такие люди, как Катц, на улице не валяются... когда какой-то приветливый полковник, желая вдохнуть в него энтузиазм, произнес эту фразу – *на улице не валяются*, Катц мысленно усмехнулся, но ему сразу стало невыносимо стыдно. Знал бы ты...

Ему удалось самостоятельно прервать порочный круг и завязать с наркотой – по крайней мере, до конца курсов. Но уже в день получения диплома он сорвался. Опять ступил на наклонную, и довольно крутую, плоскость.

Настолько крутую, что меньше чем за год потерял все – работу, жилье, друзей. Стал настоящим бомжом.

Деньги? Можно взломать какую-нибудь кладовку, можно самому продавать. Подороже. Йорма Хедлунд – единственный из его старых знакомых, с кем он поддерживал контакт. Йорма по-прежнему был не в ладах с законом, но пытался, как мог, помочь Данни. Беда заключалась только в том, что Данни не хотел, чтобы ему помогали.

Поначалу удавалось иной раз переночевать в одном из приютов для бездомных – временный выход,

потому что, как только начинало пригревать солнце, постояльцев выгоняли на улицу. А потом ему стало плевать на все, в том числе и на себя самого, он спал там, где заставал его наркотический сон – в подъездах, в парках, в подворотнях. В этой крошечной тьме он неотвратно падал в бездну, но внезапно пришло спасение, опять принявшее облик Рикарда Юлина.

Катц до сих пор помнил этот день, как будто все произошло вчера. Юлин наткнулся на него на станции метро Гульмаршплан. Катц куда-то направлялся... он и сам не помнит, куда именно. Остановился на перроне, даже не замечая, что люди сторонятся его грязной одежды, инфицированных ран на руках, не замечая, что громко разговаривает сам с собой. Но это его и спасло – как утверждал Юлин, он ни за что бы не узнал Катца. Он узнал голос.

Там все и началось. Юлин заставил Катца взять его визитку и настоял, чтобы тот позвонил, – без всякой цели, сказал Юлин. Просто поговорить. Такой уж он был человек, помогал другим совершенно бескорыстно и, наверное, находил в этом удовольствие. Через месяц Катц уже лежал в антропософской реабилитационной клинике в Уттерйерне.

Катц вернулся домой после полуночи. Открыл дверь и насторожился – показалось, что в квартире кто-то был. Достал бумажный носовой платок и провел по замочной скважине – следов жира нет. Значит, даже если кто-то пользовался отмычками, то тщательно вытер следы графитовой смазки.

Он вошел и остановился. Слабый неживой свет уличных фонарей из окон освещал прихожую. Постоял не двигаясь, напряг слух, пытаюсь уловить малейший звук – чье-то сдерживаемое дыхание, шорох одежды. Ничего.

Прошел в спальню. Еле заметное красное пятно на стене – отсвет электронного будильника. Постель застелена кое-как, но так было и утром. Дверь платяного шкафа слегка приоткрыта. А вот этого он не помнил. Собственно, с чего бы ему запоминать, закрыт гардероб или нет? Одежда на месте... но опять то же странное чувство: кто-то снимал одежду, запоминал, где что висит, осматривал, а потом вешал на место.

Кухня. Шуршит вентилятор. Вымытая посуда в сушилке, салфетка «Ветекс» на кране. Пол и кафель идеально чистые. Все, как он оставил.

Он перешел в гостиную. Диван у стены похож на

большого задремавшего зверя. Опасного зверя, мысленно поправил себя Катц и мысленно же улыбнулся. Под телевизором мигает красный огонек кабельного декодера. Сложенная вдвое газета на журнальном столике. Книжный шкаф... подоконники... все на месте.

Катц еще раз прошел по комнатам, на этот раз более систематично, но никаких следов взлома не обнаружил. Что ищет вор? По собственному опыту знал – вор ищет ценные вещи. Он в своей мрачной юности и сам этим занимался. Нет... и это нет, и это нет. Ничто не украдено, все стоит на своих местах. Включил свет и посмотрел на горшки с цветами на подоконниках – даже за день налетает немного пыли, и если бы горшки хоть на миллиметр сдвинули с места, обнаружился бы серпик чистого мрамора.

Вернулся в кухню, поджарил ломтик хлеба, намазал маслом и съел, не садясь. Неприятное чувство по-немногу отпускало.

Звякнул мобильник. Эсэмэска от Ангелы Клингберг: время заказано. Понтус Клингберг готов принять его завтра в десять утра, в главной конторе «Клигберг Алюминиум».

Почему-то не выходил из головы этот юный наркоман из подземного гаража. Надо бы попытаться его найти, поспрашивать по приютам, в стокгольмской

группе АН. Парень видел человека, который парковал машину Клингберга, мало того – о чем-то с ним говорил. И тот перепугал его до полусмерти.

И потом эта женщина из полиции. С чего бы ей понадобилось просматривать видеозаписи из гаража? Причем всего пару дней назад... Ведь Юлин сказал, что следствие закрыто через сутки после исчезновения Джоеля. Но, судя по всему, кто-то все же сомневался.

Что-то не клеивалось. Вообще вся история Клингберга не клеивалась. Что-то не так.

Прошел в гостиную, запустил стационарный компьютер – он пользовался им, когда было лень спуститься в офис. Вставил флешку.

Файл, который он скопировал у Клингберга, судя по всему, поврежден. Данни скачал программу ремонта архивированных файлов, и через несколько минут документ открылся. Каталог, названный «М.К.», содержал несколько защищенных от редактирования документов. «М.К». Те же инициалы, что на холщовом полотенце, переданном ему Ангелой.

Несколько сканированных фотографий. Семейный портрет, сделанный более полувека назад. Явно в тропиках. Мужчина, женщина и два мальчика. Еще два снимка. Те же люди, но в городе. На заднем плане – вывески на испанском. Патриарх семьи Густав с

женой и двумя детьми. Младший – скорее всего, отец Джоеля.

И еще один документ, на этот раз в *Word*. Дanni щелкнул правой кнопкой – записи сделаны за день до исчезновения Джоеля.

Кристофера похитили в июне 1970 года.

Маму и папу нашли мертвыми в сентябре 1979 года. Почему именно в усадьбе?

Мари Бенуа умерла в 1978 году. Как?

Судя по всему, Клигберг видел связь между этими событиями – исчезновением брата и смертью трех людей. Фотографии... на фотографиях его отец, дяди и дед с бабушкой. Очень старые снимки, сделаны почти наверняка в Доминиканской Республике. А кто такая Мари Бенуа? Член семьи? Если нет, то почему Клигберг упоминает ее наряду с ближайшими родственниками?

* * *

На следующее утро ровно в десять ноль-ноль, ни минутой раньше, ни минутой позже, Катц переступил порог головной конторы «Клигберг Алюминум» в Васастане. Секретарша попросила его подождать в вестибюле. Помещение большое, но обставлено скромно, почти аскетически. Светло-серые сте-

ны, черное ковровое покрытие. Тихое жужжание кондиционера. Несколько газет на журнальном столике. Зато вид из окна просто величественный: на Ванадис-парк, Веннер-Грен центр и чуть подальше – залив Бруннсвик.

Он подошел к автомату на стене и налил в бумажную кружку кофе. Пока кофе остывал, позвонил Ангеле Клингберг, но она не отвечала – ни по домашнему, ни по мобильнику. Он ждал довольно долго, потом набрал номер Юлина. Рассказал вкратце, чем занимался, что накопал в подземном гараже, что кто-то из полиции тоже интересовался записью с камеры видеонаблюдения, хотя официально следствие прекращено. Юлин пообещал проверить и позвонить, как только хоть что-то узнает.

Под газетами лежала брошюра – рекламный проспект фирмы «Клингберг Алюминиум». Катц начал его листать, вполне машинально – до тех пор, пока не наткнулся на портрет основателя фирмы Густава Клингберга. Под фотографией коротко изложена история предприятия.

Густав родился в 1914 году в Доминиканской Республике. Старший сын в семье миссионеров. Поступил в Высшую техническую школу в Гаване, на факультет, готовивший горных инженеров. Закончив, вернулся на остров и начал свое дело.

За короткое время ему удалось сколотить приличное состояние. Сахарная промышленность, но главное – боксит. Вместе с американской горнодобывающей компанией он внедрил технологию облагораживания боксита для производства алюминия и огнеупорной керамики.

Дальше написано, что в начале сороковых годов основатель фирмы женился на Лизбет, дочери еще одного шведского миссионера, отцовского знакомого. В 1941 и 1942 году родились два мальчика-погодка, Понтус и Ян.

В начале пятидесятых семья переехала в Швецию – оказывается, по стратегическим соображениям. Так и написано: «семья переехала по стратегическим соображениям». Здесь Густав основал концерн «Клингберг Алюминиум» с управлением в Стокгольме. Предприятие закупало в Вест-Индии и Африке боксит и производило автомобильные диски, подшипники, детали фюзеляжей для самолетов, фасадные и крышные покрытия для строительства. Через несколько лет группа Клингберга контролировала целый конгломерат металлургических предприятий.

На последней странице брошюры семейный портрет, сделанный в конце шестидесятых. Наверняка задуман как демонстрация преемственности и добропорядочности концерна. На веранде дома в Юрхольме-

не стоят Густав Клигберг, его жена Лизбет, двое их взрослых детей и четверо внуков. Джоель совсем крошечный, в левом углу, рядом со своим старшим братом Кристофером, если верить тексту.

Катц уставился на фотографию, не веря своим глазам.

Кристофер был чернокожим!

Джоель никогда не рассказывал, что Кристофер не родной его брат, а усыновленный.

Впрочем, почему – мальчики были явно похожи, как будто среда и в самом деле влияет на внешность. Или дети умеют, как хамелеоны, менять свою внешность в зависимости от требований этой самой среды.

Катц отложил проспект. Телефонистка за стойкой положила трубку, посмотрела на Катца и неожиданно улыбнулась. Тут же явилась секретарша и попросила следовать за ней.

Понтус Клигберг держался просто и естественно, как будто ничего нормальнее и быть не могло – беседовать с совершенно посторонним человеком, который ни с того ни с сего задает вопросы по поводу исчезновения его племянника. Он принял Катца в огромной комнате для заседаний правления. Сидел в удобном кожаном кресле и рассказывал. Вид из окна был не менее восхитительным, чем в приемной.

– Мой отец был большим поклонником Акселя Веннер-Грена, – сказал он, проследив взгляд Катца. – Поэтому сразу решил, что его контора будет рядом с этим хвастливым недо-небоскребом. Аксель, кстати, тоже обожал Вест-Индию, как и отец. У него был дом на Барбадосе. Там он и жил во время войны. До сорок второго года, пока англичане не занесли его в черный список. Продавал немцам пушки «Буфорс»... И вообще Веннер-Грен был неравнодушен к нацистам. Я помню его с детства... Они с дедом часто обедали в ресторане в Стальместаргордене... всегда одно и то же. На закуску – картофельный салат с яйцами и анчоусами на ржаном хлебе, а на второе – жареная салака. Ели они свою салаку и обсуждали все подряд: цены на сырье, будущее «Электролюкса», клан Валленбергов... очень недолюбливали Валленбергов. Дед говорил, эти выскочки так и лезут во все дыры.

Он, не вставая, дотянулся до сервировочного столика, открыл бутылку минеральной воды, налил в стакан и протянул Катцу.

– Так что у вас, молодой человек? Ангела, значит, нашла вам работу... ее очень беспокоит, что муж исчез. Ее муж, мой племянник.

Катц принял стакан, устроился в кресле поудобнее, чтобы скрыть невольную робость, и тут же себя за-

презирал. Впервые в жизни он встречался с миллиардером.

– Она не верит, что Джоель исчез добровольно, – сказал он излишне резко.

– Естественно... Когда люди без видимой причины исчезают, близкие волнуются. Не могу сказать, что за неурядицы были у них с Ангелой, не знаю... да по правде, и не хочу знать. Может, деньги? Так бывает, когда девушка выходит замуж за богатого... нет, не так. Вернее сказать, не за богатого, а из среды богаче, чем та, к которой она привыкла. Возникает некое неравенство... Но как бы там ни было, лояльность Джоеля фирме несомненна. Он скоро вернется.

– А вы можете предположить, где он находится?

– Откуда мне знать? Полиция считает, что в Дании... очень может быть. А может быть, в Стокгольме. Почти уверен, что найти его не так уж трудно. Сесть на телефон и обзвонить отели. Но я бы не стал этого делать. Надо уважать неприкосновенность личности. Наверняка у племянника есть причины, чтобы побыть одному.

Понтус Клигберг сплел ладони на затылке, откинулся в кресло и посмотрел на потолок. Серебристые волосы, двубортный костюм... до смешного ухоженные ногти, подметил Катц, когда его собеседник внезапно и резко опустил руки на колени. Миллиардеров

он не видел, но тип этот был ему знаком. Человек, не привыкший к возражениям, готовый всегда и везде настоять на своем.

– Вы ничего не заметили необычного в его поведении?

– Нет-нет, все было как всегда. *Business as usual*. Интересное дело в Англии. Предприятие, которое нас давно интересует. Выпускают алюминиевые профили для мебели. Мажоритарный акционер готов продать свою долю, за разумную цену, естественно. Собственно, вечером я улетаю в Лондон на окончательные переговоры, и Джоель должен был лететь со мной. Вот это меня немного раздражает.

В кабинет неслышно вошла женщина лет двадцати пяти.

– Звонила младшая дочь господина генерального директора, – сообщила она деловым, но проникновенным голосом. Клингберг отечески улыбнулся и кивнул. Та исчезла.

– С ним и раньше такое бывало, – продолжил Понтус. – Когда Джоель жил с дедом, он вдруг ни с того ни с сего исчезал. Иногда на несколько недель. Снимал квартиру, запирался и читал книги. А потом опять появлялся, как будто так и быть должно. Вы, возможно, знаете, ему пришлось преодолеть немало психологических проблем в юности. Сначала похитили старше-

го брата, а через десять лет в один день стал полным сиротой... мой брат и его жена...

Понтус внезапно замолчал и опустил глаза. Некоторое время рассматривал руки на коленях, потом вдруг спросил:

– Он же написал Ангеле? Прощальное письмо или что-то в этом роде?

– Они поссорились в то утро.

– Позвольте предположить – по поводу детей? У них один повод для ссор... эта дискуссия, если ее можно так назвать, продолжается уже десять лет. Дело в том, что, если их брак распадется, без детей ее экономические перспективы выглядят не так уж радужно. Но я лично думаю, что Джоель в конце концов уступит. У меня, например, две дочери и четверо внуков. Дети – смысл жизни... так, по-моему, говорят.

Понтус Клингберг задумчиво посмотрел в окно, на деревья в весеннем цвету. Из невидимых динамиков лилась какая-то опера, очень тихо, и Клингберг слегка покачивался в такт музыке. Какая-то в нем есть слабика, подумал Катц, он это не сразу заметил. Генеральному директору не так легко играть навязанную ему роль. Несоответствие формы и содержания.

– А полиция к вам обращалась по поводу исчезновения Джоеля?

– Очень коротко. Я рассказал все, что мне извест-

но, и больше вопросов не было... А кто вы, собственно? Ангела сказала что-то невнятное... якобы вы с Джоелем вместе проходили военную службу...

Катц рассказал историю их знакомства, упомянул школу военных переводчиков. Не удержался и вспомнил, как реагировали курсанты, когда за Джоелем приезжал личный шофер.

– Катц? – Понтус терпеливо ждал, пока Данни закончит рассказ. – Еврейское происхождение... Не беспокойтесь, пожалуйста, у меня на этот счет никаких предрассудков нет. Многие мои деловые знакомые – евреи. Очень одаренный народ. Они хорошо знают, как зарабатывать деньги.

Значит, предрассудков у него нет... «Знают, как зарабатывать деньги» – предрассудок номер один. Ни его отца, учителя, ни деда, который шил сапоги в Вене и эмигрировал в Швецию с женой и пятнадцатилетним сыном перед началом войны, а потом, как только возникло государство Израиль, уехал туда... ни того, ни другого «богатыми евреями» назвать было никак нельзя. Катц привык. Ему приходилось много чего выслушивать, начиная с более или менее невинных, часто замаскированных под восхищение утверждений о некоем «особом деловом чутье» евреев и кончая глобальным озлоблением: оказывается, все евреи состоят в заговоре, заграбастали все деньги и исподтиш-

ка управляют миром. Катцу всегда хотелось спросить: а где моя доля?

Понтус Клингберг встал и снял с полки фотографию в изящной рамке: две улыбающиеся девочки на борту корабля. Рядом стоял еще один снимок: сам Понтус и те же девочки, но уже взрослые. На этот раз на яхте.

– Мои дочери, – пояснил Понтус, хотя все было ясно и без пояснений. – Эбба и Юлия. Первый снимок, когда они еще маленькие – круиз в Карибском море. А второй – в Сандхамне, в прошлом году. Мы каждый год участвуем в гонке «Вокруг Готланда». Скоро и их дети, мои внуки, тоже встанут под паруса... если хотите, могу показать фотографии. Семья Клингбергов не подкачала.

Он улыбнулся с гордостью, но тут же помрачнел.

– Я иногда думаю, что было бы, если бы похитили не Кристофера, а Эббу. Или Юлию... Сама мысль непереносима. Думаю, вы даже не догадываетесь, что мы пережили. Исчез семилетний мальчик, и о судьбе его до сих пор ничего не известно. Родители так и не смогли с этим примириться. Ян особенно. На него смотреть было больно. Единственное утешение – потеря хоть в какой-то степени вернула его в семью. Ян всю жизнь не ладил с Густавом, да и со мной тоже. А после пропажи Кристофера он стал нам ближе. Не то чтобы мы могли как-то облегчить его страдания...

нет, это было не в наших силах. Он винил во всем себя. Оказывается, Ян выпил пару кружек пива перед тем, как забрал сына с детского праздника в Стадсхагене и пошел на эту станцию метро... И это не стихающее чувство вины... Он начал пить. Ирония судьбы – алкоголь стал причиной беды, и алкоголь же служил ему утешением. И не только для него – для них обоих. Самоубийство – логическое следствие их, к тому времени, я думаю, уже неизлечимого алкоголизма.

Понтус опять подошел к окну, вздохнул, сглотнул, как будто что-то застряло у него в глотке, и вернулся в кресло.

– И по большому счету, никто из нас по-настоящему не преодолел горя. Густав... на Густава было страшно смотреть. Сначала внук, потом сын.

Он замолчал, на этот раз надолго.

Катц подождал немного, не последует ли продолжение, и осторожно спросил.

– И никаких подозрений, что похищение Кристофера было спланировано, у вас не возникло? Или у полиции?

– Нет. Нелепая случайность, помрачение сознания. Эта женщина, кто бы она ни была, украла Кристофера импульсивно, ничего не планируя. Сорок лет прошло... Кристоферу было бы сейчас сорок девять. Недели не проходит, чтобы я о нем не думал. Особен-

но когда читаешь в газетах, что случилось с этой австрийской девочкой, Кампуш... или этот дьявол в человеческом образе, бельгиец... как его? Да, Дютруа... даже тошнота подступает. Тошнота и ненависть...

Понтус Клингберг посмотрел даже не на него а сквозь него на какую-то точку в пространстве и потрянул головой, словно старался избавиться от наваждения.

– А разве Кристофер не усыновлен?

– В каком смысле?

– Он же темнокожий.

– А Джоель вам никогда не рассказывал про брата?

– Нет... то есть рассказывал, конечно, но не в деталях.

– Его бабушка была креолка. Но кровь... или, как теперь говорят, гены загадочным образом передались через поколение. То есть Ян, сын креолки, был совершенно белым, стопроцентный европеец, если не считать вьющиеся волосы. А летом обгорал еще сильнее нас. Это удивительно... Джоель тоже светлокожий... понять невозможно: наследственность, гены, хромосомы... Но вот у Кристофера проявилось. Это долгая история.

Понтус не смотрел на Катца. Он говорил почти без выражения, будто сам с собой, или выступал в роли медиума на спиритическом сеансе, а невидимый дух

диктовал ему слова. Рассказал про своего деда Эйнара, спасшего жизнь пятнадцатилетней гаитянской девочке в дни так называемого Петрушечного геноцида. Эйнар удочерил ее, и она росла в семье как родная дочь. Звали ее Мария Бенуа. И Густав в нее влюбился. Вернее сказать, они оба влюбились. Но Густав женился на дочери миссионера, Лизбет, которая стала матерью Понтуса Клингберга, то есть моей. А вскоре и у Марии родился ребенок от Густава. Ян Клингберг.

– Отец был бизнесменом до мозга костей. У него были дела с Рамфисом Трухильо. Вы знаете, кто это? Сын диктатора Доминиканской Республики Рафаеля Трухильо, такой же психопат и эротоман, как и его отец. Отец вообще шагал по трупам, лишь бы добиться своего, никаких угрызений совести, но что касается Яна, все было по-человечески. Его безоговорочно приняли в семью, хотя от матери изолировали, и он с ней почти не встречался. Лизбет, моя мать, так и не примирилась с изменой отца, но когда мы переехали в Швецию, Ян поехал с нами, никаких сомнений на этот счет не возникало. Для Марии это был тяжелый удар. Но Густав, как всегда, настоял на своем. И о Марии он по-своему позаботился – каждый год переводил ей довольно значительные суммы. Тем более у нее к тому времени были и другие дети. Густав не был ее единственным любовником на всю жизнь. Она бы-

ла очень красива...

Понтус Клингберг замолчал и поднялся с кресла, давая понять, что его ждут неотложные дела.

– А вот это, – спросил Катц и достал холщовые полотенца, переданные ему Ангелой. – Как вы думаете, имеет это какое-то отношение к истории вашей семьи?

Понтус посмотрел на полотенца. Лицо его ровным счетом ничего не выразило.

– А что это?

– Джоель получил их в посылке незадолго до своего исчезновения. Вам это ничего не говорит?

Понтус понимающе и даже печально кивнул.

– Нет... Жаль, что не могу вам ничем помочь.

Он подошел к двери и задержался, дожидаясь Катца.

– Извините... Я обещал дочери встретиться за ланчем.

Обнял Катца за талию и вывел в приемную. Почти нежно, будто это был не Катц, а его исчезнувший племянник.

* * *

Через час он уже сидел в отделе микрофильмов Королевской библиотеки в Хюмлегордене. Стояла осо-

бая, библиотечная тишина. В большом зале, кроме него, только двое, да еще библиотекарьша, не отрывавшая глаз от компьютера.

Он был здесь не в первый раз – бегло посмотрел каталог и уверенно прошел к нужным полкам. Сдвинул две секции и добрался до картонных ящиков с микрофильмированными вечерними газетами «Экспрессен» и «Афтонбладет» – газетами, которые, если верить каталогу, больше всего писали о похищении Кристофера, внука Густава Клигберга.

Данни открыл первую коробку, достал упругий черный ролик, вставил в кассету диапроектора «Гидеон» и перемотал на восьмое июня, день вслед за похищением.

Шесть рубрик, но о похищении ни слова. Землетрясение в Перу, по предварительным данным, свыше тридцати тысяч погибших. Улоф Пальме с неофициальным визитом посетил Соединенные Штаты, выступал в национальном пресс-клубе в Вашингтоне.

Дальше. Спортивные новости, ряд статей о чемпионате мира по футболу в Мексике. Ли Хазлвуд в Стокгольме. Реклама сигарет. Он не видел рекламы табака с детства. «Я тоже перешел на „Принс“». Программы кинотеатров – «История любви», «Планета обезьян». О Кристофере ни слова.

И только в «Экспрессене» от пятнадцатого июня –

первая поклепка: «На станции метро похищен мальчик».

Коротенькая заметка в самом низу страницы местных новостей, такое впечатление, что втиснули ее в последнюю минуту – заткнули пустое место. Из заметки понятно только, что событие произошло неделю назад на станции метро в Кристинеберге. Никаких имен.

И только еще через несколько дней новость становится заметной. Развороты с десятком снимков всей семьи Клингберг – и «Экспрессене», и в «Афтонбладете». Мальчик похищен женщиной, которая втерлась в доверие отцу. Предполагается похищение с целью шантажа, но эту версию опровергают и члены семьи, и полиция. И впервые опубликована фотография мальчика.

Снимок вырезан из его первой классной фотографии и из-за сильного увеличения не особенно резкий. Беззубый мальчонка улыбается в камеру. В тексте ни слова о цвете кожи, и это создает некую тайну, поскольку рядом помещены фотографии родителей и младшего брата.

Событие продолжали освещать еще недели две, с убывающим интересом, пока заметки о пропаже Кристофера вообще не исчезли с полос. Вся история стилизована под греческую трагедию: Немезида карает

сильных мира сего. Ребенок объявлен в розыск, не только в Швеции, но и в соседних странах. Какие-то «сигналы от общественности» поступали, но, как оказалось, никуда не привели.

Значит, Понтус был тогда кронпринцем в династии Клигбергов, подумал Катц, тщательно рассовывая микрофильмы по местам. Ян, по-видимому, вообще ничего общего с циклопическим семейным предприятием не имел. Разве что символически – носил ту же фамилию. Получил педагогическое образование и к делам фирмы ни малейшего интереса не проявлял. Дитя своего времени... бизнес его совершенно не интересовал, он женился на женщине на два года старше его, Иоанне, с загадочной профессией: социоантрополог. Одевался в стиле пост-хиппи, из принципа ездил только коммунальным транспортом. Чудовищно богатый наследник, косящий под богему. Густав, естественно, всячески поддерживал сына экономически, в частности купил для них участок земли на Лидингё и собирался оплатить строительство роскошной виллы. Внуки не должны страдать из-за того, что их отец – разгильдяй. И тут произошла катастрофа.

Данни проголодался и спустился в ресторан библиотеки – картофельные оладьи со свининой и две чашки кофе. Мог бы выпить и три – кофе входит в

стоимость ланча. Рядом за столиком говорили по-русски – сплетничали про какую-то красивую аспирантку по имени Анна, под которую *подбивает клинья* некий Юра Николаев. Катц порадовался, что легко воспринимает русскую разговорную речь, но заставил себя не прислушиваться. Нет... даже не заставил. Он вдруг перестал слышать почти невыносимый в этот час ресторанный гомон.

Допил кофе и позвонил Ангеле. Долгие гудки. Он присел за компьютер в вестибюле, ввел логин, пароль и открыл почту. Здесь Ангела и обнаружилась. Короткое послание: не может ли он зайти к ней на Шеппаргатан в восемь часов вечера. Надо встретиться, не могли бы вы подтвердить, что придете.

Он представил, как она, совершенно голая и совершенно... и совершенно совершенная, идет по своей огромной квартире и прикасается пальцами к книжным полкам, к вазам с цветами... постарался избавиться от видения, написал коротко «О'кей» и отправил на ее адрес.

Потом вновь поднялся в зал с микрофильмами, присел за компьютер с каталогами и в поисковом окне написал: *Кристофер и Ян Клинеберги*.

Одна статья в еженедельнике «Смотри!» оказалась интересной.

Через три минуты библиотекаря принесла жур-

нал.

Большое интервью с Яном Клигбергом. Девять лет после трагедии. Фотография – на том самом перроне, где пропал его сын. Как отмечалось в статье, единственная причина, что он согласился на это интервью, – помочь другим, таким же, как он, людям, кого постигла подобная трагедия.

В интервью Ян рассказывал, что ему по-прежнему снится сын, и очень часто. Несколько раз в неделю. Всегда точно такой, как в тот день, – семилетний мальчик. Он навсегда остался семилетним. И всегда один и тот же сон: он уходит, держась за руку неизвестной женщины с внешностью жены фермера. Мальчик застыл навсегда в том июньском вечере, «как в янтаре», – так выразился Ян.

Дальше репортер написал вот что: «Годы для Яна шли очень медленно, а дни очень быстро». Что он имел в виду, выяснилось сразу, хотя все равно не совсем понятно: Ян сказал, что время уводит его все дальше от Кристофера, образ его медленно блекнет, хотя Ян делает все, чтобы удержать его в памяти. Он, например, уже не может вспомнить голос сына и постоянно упрекает себя за это.

Седьмого июня тысяча девятьсот семидесятого года жизнь его остановилась, писал далее репортер. И сейчас, когда приближается эта дата – начало лета,

цветущие деревья, выпускники гимназий в белых фуражках, – все это невыносимо напоминает о Кристофере. Сейчас ему было бы шестнадцать.

И Яна удивляет, пишет далее журналист, что здесь, на этом самом страшном для него месте в мире, жизнь течет как ни в чем не бывало. Люди выходят из вагонов, садятся в вагоны... эта автобусная остановка, на которой они вышли после детского праздника в Стадсхагене, она на том же самом месте. И стенд с газетами. Непостижимо... отсюда видно лягушатник в Фредхелле, видно, как дети играют в воде, дети в возрасте Кристофера.

Преступление по-прежнему не раскрыто, сообщает журналист. Кристофер исчез бесследно. Ни письма с требованием выкупа, ни телефонных звонков. Ничего. Международный розыск – тоже ничего. Если бы Кристоферу удалось сбежать от похитителей, он бы наверняка дал о себе знать. И Ян постепенно примирился с мыслью – Кристофер мертв.

И как же удалось этой женщине, спрашивает журналист, как ей удалось уговорить мальчика сесть с ней в вагон метро, не дождавшись отца? Да еще в противоположном направлении?

Этот вопрос Ян задавал себе чуть не каждый день, с того самого дня. Состав мелькнул красными фонарями и уполз в сторону Альвика. Мальчик же должен

был сопротивляться! Но, возможно, пассажиры посчитали, что она бабушка этого капризного мальчишки, а может быть, она даже и сказала – не обращайтесь внимания на внука, с ним иногда такое бывает. И где они вышли? На следующей станции? В Альвике? Он тогда в полной панике затолкал коляску в поезд и доехал до Альвика. Тело медленно холодело, как у мертвеца. Надежда... на что была надежда? Что похитительница не решилась ехать с ним дальше, отпустила?.. Но и на станции в Альвике он никого не нашел.

Что было дальше? У Яна остались очень сумбурные воспоминания, все было как в тумане. Газеты, допросы полиции, общегосударственный розыск, телефонные звонки – видели там-то и там-то, на следующий день кто-то уверен, что видел мальчика совершенно в другом месте... все это поддерживало надежду, но постепенно уходило в песок. Газеты постепенно перестали писать о событии. Судьба одного человека, даже ребенка, даже ребенка из очень богатой семьи, ничего не значит в потоке истории. Языки пламени надежды вспыхивали все реже и гасли один за другим, как в умирающем костре.

В Дании в то же лето нашли тело убитого мальчика, но это был не Кристофер. К тому времени они уже надеялись, что это Кристофер, что они смогут похоронить его и попытаться жить дальше. Еще через год

какой-то сумасшедший взял на себя ответственность за похищение, утверждал, что это именно он похитил мальчика и убил, но место захоронения указать не смог. Яна переполняла ярость – этот человек опять дал им надежду, странную, вывернутую наизнанку, но все же надежду – и опять все пошло прахом.

Теперь, писал журналист, когда прошло уже почти десять лет, Ян осознал, что тело мальчика не будет найдено никогда. Но каждый день он не мог отделаться от мысли: что они с ним сделали? *Они* – потому что был уверен: это дело рук не одной этой тетки.

Журналист задал традиционный вопрос – не было ли попыток шантажа. Ведь всем известно, каким необозримым состоянием обладает семья Клингберг.

Нет. Таких попыток не было, уверенно отвечал Ян. В самые темные моменты он начинал думать о сексуальном преступлении. Он слышал, что есть такие люди. Педофилы, или как там их называют.

В последнем абзаце репортер писал, что Ян теперь посвятил всю свою жизнь младшему сыну, его будущему, его моральному и физическому благополучию. Трагедия, продолжал в непревзойденном по пошлости стиле журналист, помогла Яну Клингбергу осознать, что в жизни важно, а чем можно пренебречь.

Катц вернулся к началу статьи и внимательно рассмотрел фотографию. Конечно, по внешнему виду че-

ловека трудно сказать, посещают ли его суицидальные мысли, но почему-то казалось почти невероятным, что этого человека всего несколько месяцев спустя найдут в гараже в семейной усадьбе в Сёрмланде, где он и жена совершили двойное самоубийство. Отравились угарным газом.

* * *

Все как-то связано, думал Катц, сидя в машине. Джоель Клингберг за день до исчезновения получает по почте загадочные предметы. Полотенца... нельзя исключить, что странная посылка связана с похищением Кристофера.

Скажем так: кто-то позвонил Джоелю по телефону и сказал, что располагает информацией о его старшем брате. Кто? Тот, кто послал ему пакет с полотенцами? Мало того, Джоель, судя по всему, получил эту информацию, пока сидел за рулем, иначе почему он вдруг прервал все дела и поехал на Кунгсхольмен? На встречу с отправителем?

И где он с ним встретился? Торильдсплан? Стадсхаген, где Кристофер был на последнем в своей жизни детском празднике?

Катц посмотрел на карту с *GPS*, присланную Юлином. Совершенно очевидно: Джоель передвигался

тем же маршрутом, что и Кристофер, перед тем как его похитили. Через Стадсхаген и к станции метро «Кристинеберг». Никаких сомнений – все было спланировано, одним человеком или несколькими... неизвестно, были ли помощники у этой женщины. Скорее всего, были. Или она сама была помощницей, пешкой в этой игре. Они следили за Яном с детьми, а потом им помог случай.

Джоель остановился у станции метро, где похитили Кристофера, и поехал дальше, через мост. Новая остановка: у станции метро «Альвик». Там, где его отец в панике выскочил из метро и начал расспрашивать служителя, не видел ли тот женщину с мальчиком. А маленький Джоель сидел в коляске. И, наверное, кричал. Страх родителей мгновенно передается детям.

А потом человек, который звонил ему, а может, к этому времени он уже был с ним в машине, попросил остановиться у теннисного стадиона. Конечно же, никакой связи с тем, что Катц живет поблизости. Случайность. Зато прямая связь с похищением Кристофера. Как и дальнейшие поездки в тот день, три недели назад.

Катц повторял маршрут Джоеля: теперь он направлялся в промышленный район и пытался припомнить, что за погода была в тот день. Тут и припоминать

нечего – весь апрель стояла чуть не минусовая температура. Природа била один рекорд холода за другим. Чуть не каждый день – новый рекорд. Он попытался представить приятное тепло в «лексусе» Клингберга, запах кожаных сидений, мысли Джоеля, несвязные, панические, – и все это спрятано под непроницаемой скорлупой крупного бизнесмена средних лет, каким он стал теперь... и с кем же он ехал? Кто это?

Данни проехал по Маргретлундсвеген, мимо только что выстроенного трамвайного моста в Сольну. Здесь уцелели мелкие мастерские, которые он помнил с незапамятных времен: жестянщики, маляры, автомеханики. Старые кирпичные строения тридцатых годов с асбоцементными пристройками... они росли как грибы до конца шестидесятых, а потом район остановился в развитии и стал понемногу деградировать.

Катц остановился в том же месте, что и Клингберг: проверил по распечатанной схеме – и выключил мотор. Разворотный круг. Рядом – нарезанные на крошечные, десять на десять метров, квадратики земли для любителей огородничать. Каждому по сотке.

Джоель остановился у теннисного стадиона, потом здесь. Еще раз посмотрел на схему. Да, именно здесь.

Или он ошибся? Может быть, речь и в самом деле идет о вымогательстве? Джоель остановился, чтобы передать кому-то деньги... или заплатить за получен-

ную информацию.

Слева от него – невысокий лесистый холм, справа – вдающийся в море мыс. Подальше – небольшая верфь и стоянка яхт и катеров.

Или все это натяжка... Хорошее, красивое место, навевает покой и умиротворение... что еще нужно мужчине, поссорившемуся с красивой женой? Вот Джоель сюда и приехал.

Катц опять вставил ключ в замок зажигания, завел машину и поехал назад.

Если Клингберг и в самом деле исчез, вдруг пришло ему в голову, и если он не вернется, то на этой ветви генеалогического древа не осталось ни сучка. Детей нет, а брата давным-давно похитили.

Какая-то связь есть... похищение Кристофера и смерть его родителей через девять лет. Скажем так: Джоеля заманили в ловушку. Пообещали свести с человеком, что-то знающим. Тот ли это человек, что был с ним в машине, а потом поставил ее в подземный гараж у вокзала? Потому что на видеозаписи в гараже был не Джоель, в этом Катц был уверен почти стопроцентно. А Джоель по дороге куда-то исчез.

В шесть вечера, не успел Катц вылезти из душа, позвонил Рикард Юлин.

– Погоди с вопросами... для начала вот что: я взял

на себя смелость познакомиться поближе с твоим работодателем. Из чистого любопытства. Ангела Клингберг, похоже, аферистка. Или была, по крайней мере.

Катц надел халат и прошел в кухню.

– Понтус тоже намекал на что-то в этом роде, – сказал он. – Но он, похоже, ее недолюбливает.

– Она, вообще-то, из приличной семьи. Из Юрхольмена, это многое говорит. Но! – Катц мысленно увидел поднятый указательный палец. – Но не все так просто. У отца была приличная аудиторская фирма, однако он обанкротился. Серьезные финансовые проблемы... в общем, семья была вынуждена переехать из роскошной виллы в Стоксунде в съемную трешку в Тэбю. Классовое понижение... перешли в более низкую категорию.

– Что ты хочешь сказать?

– Выводы будешь делать сам, – хохотнул Юлин. – Но, во всяком случае, в криминальном регистре она фигурирует. Ей присудили штраф – она облапошила бойфренда на приличную сумму.

Катц посмотрел на часы. Еще почти два часа до встречи с Ангелой. Взял яблоко, поискал фруктовый нож и не нашел. Взял обычный и, прижимая плечом трубку к уху, аккуратно разделил яблоко на дольки.

– Когда?

– Ей тогда было восемнадцать. Парень учился с

ней в лундсбергской школе-интернате. Она, кстати, школу не закончила – у родителей средств не хватило. Во всем призналась. Сказала, деньги ей были нужны на одежду... видимо, непросто поменять определенный уровень жизни, к которому она привыкла.

– Восемнадцать лет... Ребенок фактически. И это вовсе не значит, что через двадцать лет она решила похищать людей. Собственного мужа, в частности.

– Она уже была замужем. Тоже за мультимиллионером, французом. Правда, всего год. После развода пыталась выжать из него какие-то немислимые суммы, но не сработало. Муж попался не дурак – все предусмотрел. Естественно, мелким шрифтом в брачном договоре... Без мелкого шрифта не было бы крупного бизнеса, – сформулировал Юлин и сам засмеялся удачной шутке.

Где-то в квартире залаяла собака. Юлин прикрикнул на детей.

– Извини, – сказал он. – Мы взяли собаку, и дети совершенно ошалели. Русская сторожевая. Овчарка. Мы на фирме подумываем начать их импортировать. Свирепая псина, и нельзя сказать, чтобы особенно уж чадолюбивая. Я пока держу ее в клетке в гараже, а дети требуют, чтобы собаку выпустили – им охота ее погладить. Далекое не блестящая идея... Что-то они там с ней вытворяют, так что я в любой момент могу

положить трубку и бежать их спасать... Делай что хочешь, Катц, но детей на старости лет не заводи.

– Не буду, – засмеялся Данни. – А ты узнал, что я тебя просил? Насчет женщины из полиции, которая интересовалась видеозаписями в подземном гараже?

– С этим вообще что-то странное... У меня неплохие контакты в полиции, но никто ничего не знает.

– Может, какой-то другой отдел параллельно занимается этим делом? – предположил Катц.

– Не думаю... было бы известно. Может, какой-то энтузиаст, копает в нерабочее время. На свой страх и риск. Если она вообще из полиции.

– А откуда же еще?

– Меня не спрашивай. Не знаю. И еще, Катц...

– Да?

– У них ведь детей нет, у Клингберга с женой?

– Нет.

– Значит, она – единственная наследница. А парень стоит не меньше двухсот миллионов. А в перспективе – намного больше.

– Ангела – не тот типаж, который занимается такими делами.

– Откуда тебе знать, какой она типаж?

– А зачем тогда она наняла меня? Почему бы не оставить все как есть? Ведь все, включая полицию, уверены, что он исчез по доброй воле.

– Ну, почему... а может, она хочет заранее обеспечить алиби? Причем полное алиби... представь, в один прекрасный день Клингберга находят мертвым, кто будет ее подозревать? Она не поверила полиции, наняла частного, так сказать, детектива... а разве ты детектив, Катц?

Снова послышался душераздирающий, с визгом собачий лай.

– Должен кончать. – Юлин вздохнул. – Пойду, пока дети не сделали какую-нибудь глупость. Собака у меня временно. Сегодня вечером придет кинолог, проведем все тесты.

– А можешь сделать последнее одолжение, Рикард?

– Какое?

– Проверить архивы уголовки. Похищение Кристофера Клингберга в 1970 году. Я хотел бы узнать о странных находках на месте похищения. Какая-то пробка от шампанского...

– Звучит диковато. А в чем дело?

– Сам пока не знаю. Но проверить-то можешь?

– О'кей, посмотрим, что смогу накопать.

– Спасибо. Тогда созвонимся.

– *Пока, Даня!* – неожиданно сказал Юлин по-русски.

– *Пока,* – тоже по-русски ответил Катц.

* * *

Юлин посеял семена подозрений, но взойти им было не суждено. Потому что то, что произошло на Шепаргатан, полностью изменило правила игры.

После разговора с Юлином он опять позвонил Ангеле, но безрезультатно – трубку никто не брал.

Катц решил прийти на час раньше назначенного времени. Нет дома – значит нет, можно подождать. Разговор предстоял долгий и неприятный – ему надо было раз и навсегда избавиться от мысли, что она если и не организатор, то в какой-то степени причастна к исчезновению мужа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.